

ДЕФЕРЖУЗА

А. А. МАЧИХИН

Д

18+

Александр Мачихин
Дефержуза

«Автор»

2026

Мачихин А.

Дефержузуа / А. Мачихин — «Автор», 2026

Дефержузуа - девушка с таинственным именем внезапно становится идеалом любви для двух лучших друзей и свидетелем настоящих отважных приключений за её сердце. Между друзьями вспыхивает настоящий пожар любви и битва за любовь, и смертельный бой добра со злом, где каждый начинает выявлять в себе героя и труса, друга и предателя.

© Мачихин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Девушка в галантерее	6
Глава 2 Два друга	10
Глава 3 Любовь на двоих	21
Глава 4 Огонь с севера	33
Глава 5 Третий лишний	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дефержузуа

Пролог

– Я даже не позволю тебе взглянуть на мою тень! Ты превратился в лёд, мой друг! – сказала грустно Дефер, стоя у обрыва мгlistой скалы.

– Тебе не должно покидать этот прекрасный мир вот так, – ответил тем же тоном и будто ни в чём не виновный молодой Атердо.

Она стояла на краю обрыва, и сильный декабрьский ветер медленно шатал хрупкую Дефер, закручивая её платье вокруг ног, а волосы на голове – в тонкие узелки. Солнце на закате то пряталось за толстым слоем тёмного облака, то вновь выходило и освещало высокую гору и блестящее под ней, волнуемое море. Босыми ногами она всё ближе подкрадывалась к краю утёса.

– Не делай этого, Дефер, я прошу тебя, вернись и позволь мне объясниться перед тобой.

– Поздно, мой друг! Если любовь вызывает у меня чувство одиночества в этом мире, без Бонума – тогда я больше не хочу любить никогда!

– Ты сошла с ума! Ты готова пожертвовать собой ради него, но он никогда больше тебя не увидит. Бонума больше нет.

– Возможно. Прости меня, Атердо, – обернулась она к нему словно в последний раз, а ветер продолжал трепать её волосы и сдувать капли слёз с густых ресниц. Атердо понимал, что если она прыгнет вниз, то и ему не будет покоя в этом далеко не добром мире. Поэтому он всеми усилиями пытался спасти её от прыжка со скалы, но только любовь Дефер была настолько глубока, что назад пути у неё не было. – Уходи! – снова закричала она.

Крик ястребов и орлов иногда пугал их обоих, но больше всего их пугало, как перед ними за считанные минуты сформировался настоящий грозовой фронт, в котором молнии, словно стрелы, врезались в волны глубокого моря. Внезапно началась настоящая метель с дождём, крупные снежинки и капли дождя летели с такой большой скоростью и били по телу Дефер и Атердо, будто дробью, выпущенной из ружья охотника.

– Если ты прыгнешь, я пойду вслед за тобой, – вскрикнул Атердо в отчаянии, а его губы дрожали так, будто осинового листья во время лёгкого потока зефира по утрам.

– Господи, помоги мне! – прошептала Дефер и шагнула вперёд.

– Дефержузуа нет...

Мои дорогие друзья! Это начало одной моей истории, происходившей во времена безудержного романтизма, и эта история об очень сильной любви двух лучших друзей к одной девушке. Приняв её сердце как самый драгоценный дар, что хранится в груди они узнают для себя, насколько предательски-тяжела бывает дружба, превращённая в частое биение пульса, частое дыхание и помутнение рассудка при виде такой особы. И там, где властвует дружба и любовь, всегда таятся ненависть и предательство. Пороки сидят тихо и ждут с нетерпением, когда же тот или иной человек оступится и эти проклятые чувства набросятся на него, как стая оголодавших волков в самой тёмной ночи.

Глава 1 Девушка в галантерее

Она безумно любила засыпать с открытым окном и слушать щебет сверчков, шум ветра, который, пролетая мимо лиственных деревьев, тревожил их своими крылами, а те, в свою очередь, издавали лёгкое шуршание, которое доносилось через открытое окно прямо к кровати сонной девушки. Всё это её нескончаемо радовало, но иногда она любила и погрузиться на сон грядущий: бывало, начнёт перекладывать в своей памяти те дни и эпизоды в которых всё ещё были живы её матушка и отец. Лёгкая улыбка сменялась грустью на лице, и вдруг, чуть моргнув, несколько капель слёз, похожих на цветочные росинки, покатаются из её карих глаз. У ночи есть свои особенности. Она уносит плохие воспоминания, стоит только прикрыть очи и заснуть до рассвета.

Каждое утро эта милая особа торопилась в свою галантерею, которая перешла к ней по наследству от матушки. Переехав из другого посёлка, она поселилась в ближайшей деревне, где снимала себе жильё. Путь её был долгим, он пролегал через поля и часть леса, поэтому подниматься с постели приходилось очень рано, когда солнце едва проливает свой свет на заре. Привыкшая к такому режиму, молодая девушка добиралась до галантереи достаточно быстро. Там, у порога небольшого домика, её с самого утра ждали симпатичные девушки из города и соседних посёлков, знатные джентльмены из высшего общества, чтобы сделать покупку себе или своим дамам.

– Доброе утро! – встречали её хором прихожане, уже стоявшие в очереди друг за другом.

– Доброе утро! Сегодня вас ещё больше, – улыбнулась она, – но не переживайте, лент и бантов на всех хватит.

Девушка всегда располагала хорошим настроением и дарила улыбки всем, кто приходил в её галантерею. Ни разу она не была замечена хмурой или уставшей от жизни. Скорее, наоборот, она была чересчур активна и добра абсолютно ко всем.

Помощниками ей были несколько местных девушек, которые нуждались в любой, даже самой непривлекательной работе, а она не отказывала ни одной из них. Ко всему этому она даже отдавала часть непроданных изделий своим помощницам, чтобы каждая из них могла красиво одеться и хорошо выглядеть в глазах клиентов и своих спутников по любовным отношениям. Это, на первый взгляд, маленькое и ветхое строение называлось: «Галантерея Дефержузуа». Такое название ему дала покойная матушка в честь своей единственной дочки, которую она ласково звала Дефер. К сожалению, родители Дефержузуа рано ушли из жизни: отец однажды на охоте вступил в схватку с медведем и проиграл зверю, но местные жители рассказывали совсем иную историю. Многие утверждали, что на самом деле отец её был убит диким племенем, которое жило высоко в горах и веровало богу Перуну. Тело его так и не нашли, ведь никто не осмеливался пойти в те горы и разыскать тело бедного охотника, и, будучи ещё маленькой девочкой, Дефержузуа свободно разгуливала в тех краях, пытаясь отыскать хоть что-то от отца. Найти кости или одежду ей не посчастливилось, поэтому она была убеждена, что отец и впрямь встретился в тот день с медведем. Переживая такую утрату, её мать внезапно заболела и слегла за несколько недель, когда Дефержузуа едва достигла пятнадцатилетнего возраста. Смертоносная холера напала на женщину, когда та была в стрессе и постоянных переживаниях. Каждое утро, день и ночь она ждала своего мужа высоко на холме в надежде, что он вернётся. Её любовь к нему была слишком сердечна, поэтому пережить его смерть у неё не получилось.

Так, пятнадцатилетняя девочка осталась сиротой в небольшом домике поодаль от галантереи, в которой она работала и содержала всё в чистоте и порядке уже три добрых года. Каждый вечер, возвращаясь с работы, она поднималась на тот холм, где много дней стояла её мать в ожидании своего мужа, и так же вглядывалась в даль, а иногда и садилась, чтобы передох-

нуть от нелёгкой дороги. Дефержуза была мечтательной девушкой. Вечерами она садилась за стол и писала разные истории о любви, искала их в книгах и раз за разом перечитывала их, представляя себя в мире, который сотворил писатель. Однажды она тоже хотела написать свой любовный роман, но только из своей жизни. Только вот, к несчастью, юная девушка ни разу не была влюблена, поскольку в деревне, в которую она переехала, было недостаточно парней, а те, которые были, не являли в себе подобие героев из её книг и придуманных историй. Но Дефержуза была достаточно терпеливой особой и не гналась за скорой любовью, хоть местные парни и кидали свои взоры на неё и иногда улыбались исподтишка, пытаясь понравиться красивой девушке. Некоторые из них зааживали в её галантерею лишь для того, чтобы лишний раз взглянуть на её красоту и стройный стан, оставляя на прилавке лепестки роз или сорванную в поле фиалку. Влюбиться в неё было проще простого, а вот дожидаться ответа было непросто для каждого входящего в её галантерею. Дефержуза мечтала об искренней любви – такой, что была у её матери к отцу. Она хотела любить так, чтобы можно было отдать жизнь за такую любовь.

Порой так бывало, и даже часто, – Дефержуза, утратив в себе все силы за трудный день, могла остаться в галантерее и переночевать до завтрашнего утра. Несмотря на усталость, она нередко прогуливалась вечерами по городу, мимо усадеб и больших поместий неподалёку от балагана. Надев на себя самое красивое платье, она, подобно аристократической даме, могла себе позволить многое и ни в чём себе не отказывала: плавала на лодке, гуляла в парках и кушала плитки шоколада где-нибудь в тенистой аллее, под широкой кроной старого дуба. Ещё она очень любила наблюдать, как какая-нибудь влюблённая пара ласково беседует, обняв друг друга и шепча на ушко еле слышно; как джентльмен голубых кровей ухаживает за своей спутницей, которая ему, если можно так сказать, «досталась по дружбе от их родителей» – крупных наместников и владельцев огромных имений. Ведь так заведено у богатых людей: богатые дочери должны обязательно выходить замуж за богатых сынов, иначе зачем разводить нищету в и без того наполовину нищем городе? Но Дефержуза не была дочерью богатых родителей, но она также не была из бедной семьи, поэтому и не мечтала о муже с большим состоянием и наследством. Скорее, она была легкомысленной девчонкой, с самой искренней душой и улыбкой, поэтому влюбиться в неё было просто. И даже когда она симпатизировала кому-нибудь из сынов высоких по чину господ, её вряд ли приняли бы в семью, узнав о её происхождении. Дефержуза, конечно же, знала об этих жутких правилах и всегда сторонилась встреч с такими людьми.

Она возвращалась в галантерею, уже когда становилось темно, зажигала свечи, чтобы было чуточку светлее в помещении, садилась в кресло прямо перед окном и любовалась сиянием мерцающих звёзд. Она полюбила считать звёзды ещё в далёком детстве, когда вокруг неё кружили маленькие мотыльки, пролетая прямо перед её носиком, садились рядом с догорающей свечёй близ невысокого окна в её комнате. И, если вдруг одна из серебряных звёзд падала, Дефержуза мгновенно вскакивала со стула, бежала к маме, крича во весь голос: «Мама, мама, только что я видела, как снова упала звезда, прямо вон за тем высоким лесом». Каждый раз будто в первый. Её удивлению и радости не было предела, ведь нет ничего прекраснее, чем ночь, в которой отражается космос со всеми сияющими звёздами, пролетающими кометами и огромной Луной, иногда жёлтой, а иногда по-зимнему бледной, и всё такой же холодной и далёкой.

Вздыхая о том, что рукой ей не дотянуться до звёзд и не пересчитать их одним пальцем, Дефержуза успокаивалась и шла спать, чтобы завтра снова проснуться и радовать покупателей необыкновенными вещами из галантереи.

Каждое утро в городе начиналось по-разному: иногда ошеломлённый народ уже с восходом солнца суетился под окнами галантереи, а иногда не было и хромого старика во всём городе. Наверно, так было потому, что в некоторые дни, в недалёком от города поместье Яст-

ребиное хозяева любили позабавиться и выпускали на волю своих ястребов (отсюда и название поместья), чтобы те принесли им добычу. Ястребы были ручными и всегда приносили своим хозяевам прямо в поместье диких кроликов, уток, иногда даже забивали красивых лебедей, но принести их в поместье у них попросту не хватало сил. Учёные ястребы были жестокими, и, если им дать команду, запросто могли наброситься и на человека. Аристократы нередко любили поэкспериментировать со своими птицами, поэтому в это утро людей в городе было мало, а если и встретишь кого, то вооружённого дубиной или каким-нибудь острым предметом. В этом маленьком городе не осталось даже ни одного голубя, ведь ястребы истребили всех, а те, которые смогли уцелеть, улетели подальше от такого страшного места.

В такие дни галантерея Дефержуза оставалась без клиентов, лишь в редком случае кто-то зайдёт, да и то только чтобы спрятаться от летающих над городом ястребов.

– Люди из поместья Ястребиное снова решили позабавиться – выпустили своих сумасшедших птиц на охоту, – сказал вошедший в галантерею старик.

– В том поместье наверняка думают только о своём расположении духа. Их не волнует, каково мирным людям, когда они выпускают ястребов на волю, – ответила сидевшая у окна Дефержуза.

– Простите, что я прячусь тут у вас.

– Не извиняйтесь! Когда-нибудь настанет конец их развлечениям.

– Слышал я, что эти ястребы однажды спасли поместье от нападения дикого племени, того, что живёт высоко в горах, – сказал старик, – и теперь таким образом они поощряют, а заодно и тренируют птиц, чтобы больше никто не смог нарушить покой влиятельных мужей, жён и их детей. Эти птицы будто божества для них.

– Правда? – удивилась Дефержуза. – А мне кажется, что в том поместье живут несмелые люди. Кто прячется за крыльями хищных птиц – подобие кудахтающих куриц.

Старик рассмеялся от слов Дефержуза, приоткрыл дверь, взглянул на небо и вышел из галантереи.

– Хорошего дня, Дефержуза!

– Спасибо, и вам! – улыбнулась она.

Так странно, но людям из того поместья было запрещено противостоять ястребам. Эти птицы могли накинуться на человека, исцарапать своими острыми, как копыя, когтями, но ударить птицу было строго наказуемо. Несправедливость порождает тот же порок, поэтому в городе находились те люди, которые вопреки законам и правилам восставали против налёта ястребов, чтобы защитить своих детей и домашний скот. Того, кто ранит или убьёт птицу, ждала самая настоящая расправа, несмотря на то, что человек защищал себя. Но кого волнует, почему нищий посмел обидеть ястреба, ведь богатым людям в том поместье дозволено многое, вплоть до самосуда на глазах у всех. Возразить – это всё равно что пойти в высокие горы и убить вожака дикого племени, поэтому люди ничего не могли поделать, кроме как незаметно бить ястребов из арбалетов или луков, сделанных в своих кузнях.

Так было не всегда! Бывали спокойные, тихие деньки. Город оживал, и галантерея, как и балаган, вновь наполнялась людьми из разных сторон света. Дефержуза уже знала об этом, поскольку изобрела свой календарь по прилёту птиц с севера. Ведь чаще всего птицы прилетали в воскресные дни, когда люди со всех деревень и остальных городов скапливались в городе.

– Неужели сегодня нам не помешают работать эти птицы аристократов? – сказала Лилёта, помощница Дефержуза.

– Видимо, даже у их куриц есть дни, когда они сидят в своих дорогущих клетках и клюют корм из рук своих держателей, – засмеялись они в один голос.

– Как ты думаешь, те люди хоть раз спускались из своего поместья или им всё приносят птицы?

– Не припомню, чтобы хоть один ястреб залетел в нашу галантерею и выбрал платье или бант для одной из их жён. Видимо, они живут лишь одними фобиями, и каждая – о диком племени с гор.

– Странные они, эти богатые люди, не так ли?

– Возможно, в каждом из нас присутствует своя странность, которая лишает нас рассудка, – задумалась Дефержуза.

– Ты сейчас говоришь о любви?

Разговор их прервали вошедшие в галантерею несколько дамочек, решивших прикупить банты и ленты для грядущего бала. Они разговаривали так громко, что ни много ни мало привлекали на себя внимание.

– Могу я вам помочь? – предложила свою помощь Лилета.

– О, не стоит, мы справимся сами, – засмеялись они.

Очень долго и лениво они подбирали к своим роскошным волосам банты, будто бы вошли в галантерею от скуки.

– Посмотри на меня, Гленса. Думаешь, моему жениху понравится этот цвет? По-моему, очень даже ничего.

– Будь я твоим женихом, не отпускала бы тебя одну за покупками всяких лент. Главное, что есть в нас, – это не ленты и банты, а естественность и натура. Им, скорее, важнее, что скрывается под твоим пышным платьем, нежели они обратят взор на цвет ленты, запутанной в твоих волосах.

– Вот глупая, – захохотали они снова и продолжили примерять наряды.

Удивляться таким гостям было бы глупо, поскольку богатые дамочки имели удовольствие вести себя вызывающе всегда и где им только захочется проявить свою подлинную натуру, особенно перед другими подобными девушками. Выставляя себя иногда кокетками, нередко можно было наблюдать, как чужие парни опрокидывали на них свои чувства, проявив их словами, или чаще всего переходили от слов к действиям. Вот только неуместные манеры таких дам безупречно срабатывали против парней, пытающихся понравиться им, ведь основная беда кокеток в том, что сперва они привлекают к себе кучу внимания, а после готовы отвергнуть абсолютно любого, кто посмел положить на её тело свой пронзительный взор. Такие приёмы со стороны дам часто назывались чувствами, выставленными напоказ! И после таких проделок они очень часто оставались без внимания на другой раз, потому что игры когда-то заканчивались, и, к тому же, они оставались на некоторое время без внимания со стороны своих ревнивых женихов.

– Богатые вертихвостки такие забавные, и порой мне кажется, что вместо скромности и воспитания ими правят деньги и золото, лишая этих птах предрассуждений о будущей минуте. Они вовсе не думают о даже самых очевидных последствиях, болтая о своей красивой и беззаботной жизни всем, кто только это услышит, – сказала Лилета, провожая тех дам взглядом у захлопнувшей двери, ведь они так ничего и не купили.

– Не стоит о них переживать, дорогая моя! Их мир никогда не станет нам ясен, ведь наш с тобой мир полон свободы и солнечных дней. Давай лучше попьём чаю и заодно передохнём.

В день Дефержуза могла заработать немало денег. Если бы она умела быть безжалостной и лишённой видения вокруг себя, то давно бы уже смогла построить себе большой дом со всеми удобствами, лакеями, парком и служанками. Но Дефержуза не слепа и мягкосердечна, она видит этот мир не только своими глазами, но и глазами всех этих бедных людей, и поэтому некоторую часть своих вырученных денег девушка отдавала бедным и инвалидам, в церкви и приюты для сирот. Ей хватало на жизнь и на развлечения, но ей очень не хватало самого главного, о чём она мечтала каждый вечер, – это искренней любви! Она мечтала о своём герое и представляла его везде, как только прикроет свои глаза. Она хотела любви больше всего на свете, но выдавала себя самой терпеливой и будто бы не делала вид, что ей нужна эта любовь!

Глава 2 Два друга

– Ты всегда поступаешь так, как не следовало бы поступать, Атердо. Вместо того чтобы сбежать от них, стоило бы вступить с ними в спор, в худшем случае драка бы разрешила, кто прав, а кто нет, – сказал Бонум своему другу, когда они возвращались с рыбалки в город.

– Ты такой смелый, тогда почему побежал вместе со мной? Куда делось твоё бесстрашие, скажи мне, Бонум?

– Я не хотел бросать тебя, ведь они могли окружить нас. Давай забудем это и в другой раз найдём другой водоём для рыбалки? Те парни явно просто хотели подраться.

– Конечно, хотели! Ведь я не такой, как они, и не такой, как ты, Бонум. Статус моей семьи делает меня врагом для простолюдинов. Вот увидишь, когда я вырасту, им придётся ответить за всё, – ответил в ярости Атердо и сломал об колено удочку.

Два юных мальчика, два лучших друга, но только из разных семей. Атердо – сын богатого помещика, чьё поместье называлось «Ястребиное». Его отец владел многими землями в городе Таулондуф, и этот город был подвластен только ему. В их семье было много слуг – от лакеев до гувернанток, которые обучали их детей французскому и другим языкам. Но Атердо иногда игнорировал обучение и сбежал к своему лучшему другу, чтобы насладиться свободой воли.

Бонум – крестьянский сын. С первыми лучами солнца и до заката жаркой звезды он трудился в поле со своим единственным конём. Отец Атердо был сильно болен, и трудиться в поле он уже не мог, поэтому юноша трудился в поле со своей матушкой. Но столь разное происхождение этих мальчишек не мешало им быть лучшими друзьями, хоть родители Атердо и настаивали на том, чтобы тот перестал дружить с нищими крестьянами.

– Не переживай за себя. Главное, что мы с тобой друзья, и этого достаточно, правда? Не стоит обращать внимание, а уж тем более таить обиду на озлобленных рыбаков из соседней деревни.

– Ты прав, Бонум! Они того не стоят. Увидимся завтра, а то уже скоро стемнеет.

– До завтра, брат! – отвечал искренне Бонум своему другу и даже назвал его братом.

Атердо спешил высоко в горы, в поместье, чтобы успеть до заката солнца и показаться на глаза своим родителям. Его встречали охотничьи собаки и две его родные сестры-двойняшки. Характер у обеих был скверный, хоть с ними и занимались самые лучшие гувернантки страны. Они всегда одевались в одинаковую одежду до самых бантиков и даже волосы они укладывали одинаково, чтобы позабавиться и ввести некоторый раз гувернантку в заблуждение, а порой и своих родителей.

– Ты опоздал, Атердо! Солнце уже скрылось за горизонтом, – сказала одна из сестёр.

– И теперь ты будешь снова наказан, – добавила другая.

– Линтьера и Лантнора! Как же я сильно хотел, чтобы вы не были моими сёстрами. Всегда, когда вижу вас, мне хочется быть от вас дальше, чем то солнце, упавшее за горизонт, – отвечал Атердо, проходя мимо них.

– Атердо – зануда, – дразнили они его и швыряли в брата подобранные гальки с земли в парке.

Не обращая никакого внимания на своих вредных сестричек, Атердо пытался скорее отдалиться от них, дабы не слушать их девичьи капризы и упрёки. Он поднимался на самый верх практически на крышу, где сидели по клеткам ястребы и внимательно смотрели сквозь решётчатое сооружение прямо в глаза мальчика. Атердо не боялся их, а наоборот, он даже с некоторых пор полюбил этих дивных птиц и обожал любоваться высотой их полёта. Про своих птиц он никогда не рассказывал своему другу, потому как отец запретил своему сыну распространять информацию о дрессированных ястребах ввиду того, что многие фермеры и охотники

могли бы застрелить птицу в момент, когда та приносит им добычу в поместье. В городе и за его пределами было достаточно недоброжелателей, которым была не по нраву семья помещиков.

Там, на крыше, у Атердо было много мышеловок, в которые к концу дня попадалось множество писклявых мышек, которых после заточения в клетках он отдавал на съедение хищным птицам. Смотреть, как они своими когтями и клювами разрывают бедную мышку на маленькие кусочки, как шерсть разлетается по всей клетке, Атердо нравилось больше всякого другого удовольствия. Лишь писк, кровь и улыбка на устах юного мальчишки, полюбившего жестокость, как сладкое печенье.

– Атердо! Атердо! – каждый раз он слышал голос своей тётушки, когда она звала его ужинать. – Ну где же этот несносный мальчишка? – бормотала она себе под нос, когда поднималась вверх по лестнице.

– Я здесь, тётя! – отвечал он, спускаясь ей навстречу.

– Ты мог бы спускаться прежде, чем я стану подниматься по этим крутым ступеням? Неужели моего оклика недостаточно для твоих ушей?

– Я всё прекрасно слышу. Где отец?

– Ждёт нас всех за столом, и сегодня он не в самом лучшем расположении, Атердо. Так что будь хотя бы не язвительным в этот вечер, ясно?

– Ясно, ясно!

Каждый раз, когда он приходил к ужину, стол уже был накрыт едой, а за ним терпеливо сидели и ждали все участники семьи одного-единственного гуляку. Лица у всех были угрюмыми, поскольку сидеть и смотреть на еду каждый новый раз было надоедливым занятием, особенно для его младших сестёр. Линтьера и Лантнора безудержно ёрзали на своих стульях и задевали руками вилки и тарелки, роняли ложки на пол кухаркам на зло.

– Простите, что снова задержался, – вошёл осторожно Атердо, а за ним и его тётушка, запыханная и вся в поту.

– Полагаю, ты делаешь это нарочно, сын? Это уже не в первый, и не во второй, и не в третий раз, ведь так?

– Прости отец...

– Не перебивай меня, Атердо безрассудный! Где тебя носило в этот раз?

Члены семьи не смели прикасаться к столовым предметам и еде, пока главный семьянин не выяснит все причины, по каким Атердо посмел вновь задержать вечерний приём пищи. Его отец был чересчур строгим, и не только к сыну, но и ко всем, кто жил в поместье.

– Я ходил с другом на рыбалку в соседнюю деревню.

– Снова ты гуляешь с деревенщиной, – стукнул он по столу кулаком – и затрясся весь кухонный сервиз, а служанки вздрогнули, и сердце их забилось чаще.

– А с кем мне гулять ещё, отец? В твоём поместье нет юношей, с кем бы я мог дружить. Бонум – хороший друг, и я буду дружить только с ним.

– Дрянной мальчишка! Отныне ты будешь учиться грамоте и французскому языку, ты понял меня? А после обеда тебя ждёт дружба куда лучше, чем с тем мальчишкой. С завтрашнего дня твоими друзьями будут предметы сельскохозяйственной деятельности.

Отец Атердо заставлял учить французский язык своего сына и вообще всех, кто проживал в поместье, потому что имел честь однажды увидеться с Французским королём и стать для него хорошим другом по некоторым деловым причинам. Более того, правитель города Таулондуф издал указ об обязательном изучении французского языка во всех школах города.

– Отец, но...

– Молчать! Если я узнаю, что ты снова гулял с тем мальчишкой, я отправлю тебя учиться в другой город. А теперь садись за стол.

Молча Атердо присел за стол, но аппетита у него вовсе не было после таких высказываний отца. Он слышал напротив себя, как две его сестры хихикали над ним и бросали взор на

провинившегося брата. После того как отец взялся за бокал, только тогда все члены семьи приступили к трапезе с большим аппетитом и звоном вилок по тарелкам. Атердо сидел и смотрел на своё отражение в пустой чашке. Чувство вины и обиды овладело его разумом, и он поскорее хотел покинуть застолье и скрыться в своей комнате. Каждую секунду думая о том, что завтра он не увидит Бонума, Атердо всё больше и глубже впадал в отчаянье от мыслей о будущих днях.

Прошло несколько дней с момента, когда Атердо попал под залп злобы со стороны своего отца. Учить французский было для него самым скучным занятием в каждом новом дне и дне грядущем. Работать в парке вместе с остальными садовниками также было не самым лучшим и развлекательным занятием. И в новый раз, когда он находился в парке, его мысли были только об одном: перепрыгнуть через забор и убежать к Бонуму в деревню. Подобный режим и дисциплина делали из Атердо невыносимого эгоиста, поскольку, живя и являясь сыном отца, который владеет этим поместьем, он был ущемлён и практически обездвижен своими же слугами и садовниками, находясь под их контролем. Труд из Атердо делал воплощение лени и самовлюблённого мальчишку, ведь он всегда старался избегать все работы и даже занятия по французскому, убегая на крышу к ястребам. Однажды разозлившись, когда в очередной раз его заставили идти работать в парк, мальчишка незаметно сбежал к птицам и выпустил их на волю, чтобы те напали на садовников и слуг и расцарапали им их мерзкие лица и тела. Ястребы с высоты набросились на кричащих людей, словно на жертву, и стали впиваться своими когтями в одежду убегающих слуг. Кто-то успевал спрятаться под деревьями, кто-то накрывался плащами, а другие, выставив перед собой вилы и топоры, пытались напугать хищников, но бить птиц было строжайшим табу. Работники слышали, как с крыши поместья раздавался демонический хохот мальчишки, и они точно знали, что этот голос мог принадлежать только Атердо.

Вечером, за ужином, до хозяина поместья дошла подробная информация о том, что ястребы напали на жителей этого дома и нанесли физический ущерб некоторым из них. Несколько слуг ясно утверждали, что видели, как Атердо поднимался вверх во время работы, но кто мог поверить слугам, ведь Атердо они не любили больше всего на свете. Хозяин дома верил всем участникам дома, поскольку лжецов он ненавидел, а если вдруг подозревал этот порок в ком-то из своих, того он жестоко наказывал и даже выгонял из поместья.

– Скажи мне, сын, только честно, ты ходил сегодня к ястребам? Ты выпускал птиц из клеток? – спросил его отец нахмутив лоб и густые чёрные брови.

– В тот момент я вернулся из парка в поместье, но не для того, чтобы выпустить ястребов из клетки, я даже не думал о них в ту минуту, отец. Я вернулся в дом, чтобы переспросить у госпожи гувернантки – учителя французского языка, в какой день будет моё следующее занятие, ведь послезавтра воскресный день, и я хотел бы с твоего разрешения пойти погулять, – ответил Атердо, мягко уйдя от темы.

– Погулять? Хм, снова со своим деревенским другом? – возмутился отец. – Он безграмотен и вряд ли уж станет подобием умного мальчишки.

– Я хотел погулять один, отец. В окрестностях поместья и не дальше того. Ты позволишь мне выйти из поместья?

Отец, развернувшись к гувернантке, задал ей один короткий вопрос:

– Он приходил к вам?

– Да, господин! Атердо действительно пришёл в тот момент, чтобы узнать про следующее занятие, – ответила гувернантка, перебирая пальцами по своему платью.

– Что ж, раз это правда, тогда кто выпустил ястребов? Немедленно проверить все клетки и устранить поломки, если они имеются, – отдал он приказ лакею. – А теперь всем приятного аппетита.

Атердо взглянул на гувернантку, а та посмотрела на него и сразу же бросила взгляд на пол. Подговорив её, чтобы та соврала отцу во время ужина насчёт его прихода, он осторожно ухмыльнулся и вновь обратился к отцу:

– Ну так что скажет мне мой отец? – переспросил сын. – Ты разрешишь мне погулять в выходной день?

– Что ж, как бы сильно я того не хотел, я позволю тебе провести свой отдых за пределами поместья, но не дальше. Даже не вздумай смотреть на те горы, тебе ясно?

– Конечно, отец!

С хорошим настроением Атердо сел за стол и приступил к приёму пищи, радостный и бессовестный.

Пока Атердо получал задания от отца в их поместье, Бонум переживал, почему его друг куда-то неожиданно запропастился. Каждое утро он выходил на холм и смотрел в сторону Ястребиного в надежде, что друг вот-вот явится к нему, но сколько бы он ни стоял – час, два, – Атердо не приходил.

– Бонум, что ты там хочешь увидеть, так подолгу вглядываясь в даль? – спросила его однажды матушка. – Поле само себя не обрабатывает.

– Прости, матушка. Я почему-то переживаю, что с Атердо что-то случилось. Он уже много дней не выходит из дома.

– Что с ним может случиться? – улыбнулась та. – Атердо из богатой семьи, наверняка ему попросту запретили общаться с такими, как мы. Это же очевидно.

– Неправда! Атердо бы не позволил себе такого. Вспомни, сколько лет мы с ним дружим, с самого-самого детства, мам. Он не может меня предать. Здесь мне больше не с кем дружить, я один!

– Ты не один, сын мой! Как бы не была крепка дружба, у судьбы свои намерения на каждого из нас. Не полагайся только на Атердо, мир не заканчивается в нашей области.

Ещё раз взглянув в сторону поместья, Бонум подошёл к лошади и приступил к обработке земли. Вспоминая слова своей матери, он почему-то не верил им, но верил в настоящую дружбу, какая была между друзьями. Под жарким летним солнцем и в поле, Бонум рос и становился сильнее и умнее, как и подобает настоящему мужчине. Вместе с ним рос и Атердо, и все остальные их ровесники.

Спустя лишь несколько недель Атердо всё же удалось покинуть поместье, но в этот раз без разрешения своего отца. Он сразу же бросился в деревню к Бонуму, ведь ему, как и самому Бонуму, хотелось скорее увидеться после долгой разлуки. Убегая во весь пыл через поле и ручьи, он даже не смел оборачиваться назад, чтобы не споткнуться о какой-либо камень или корень. Не думая в то мгновение вообще ни о чём и ни о ком, Атердо стрелою и быстрее ветра стремился к деревне, минуя овраги, стаи птиц и полевых мышей. Преодолев эту спринтерскую дистанцию, он был уже практически на пороге дома Бонума с первыми лучами солнца. Но стучаться в двери и окна он не стал, дабы не тревожить родителей Бонума, вместо этого он сел на ещё зеленоватое сено возле забора и принялся дожидаться друга.

Многие люди тогда в деревне проснулись и принялись за свои работы, проходя мимо Атердо и удивляясь ему спросонья. Наконец-то дверь дома Бонума со скрипом отворилась, Атердо подскочил с сена и замер перед тем, кто стоял перед ним. С соломинкой во рту он произнёс тихо «доброе утро», в ответ он услышал то же, ведь мать Бонума не была против их дружбы, тем более такой верной и крепкой.

– Я к Бонуму, он сейчас дома?

– Бонум уже несколько часов трудится в поле, вон там, – указала она пальцем.

Оказывается, Атердо проснулся даже позднее своего друга. Если Атердо был на пороге дома друга с первыми лучами солнца, то Бонум поднимался с кровати с рассветом, когда солнце только-только жжёт последние тёмные минуты прямо перед восходом жаркой звезды на востоке. Услышав ответ его матушки, он снова бросился в поле, поднимая пыль с земли. По высокой траве, что иногда запутывалась у него в ногах, парень, разрывая стебли, бежал во

всю прыть только вперёд. Впереди он видел образ Бонума, и это придавало ему ещё больше сил и скорости.

– Бонум! – сказал Атердо, задыхаясь от утренней беготни, когда стоял позади друга.

– Атердо? – удивился тот. – Почему ты так долго не приходил, – бросил он грабли и обнял друга.

– Прости, но отец мне запретил дружить с тобой.

– Запретил? Но почему? – вновь удивился Бонум, вспомнив слова своей матушки.

– Поэтому я сбежал, – улыбнулся друг. – У тебя найдётся удочка для меня, а?

– Конечно, найдётся, – обрадовался тот, – только вот, – изменился в лице Бонум.

– Что?

– Я должен закончить с сеном, иначе матушка отругает меня.

– Бонум, ты же знаешь, что ждёт меня дома, когда я вернусь: наверняка порка или что-то ещё пострашнее. Но ради дружбы я готов стерпеть любое наказание, лишь бы только не думать о свободе заперти за толстыми стенами поместья.

– Ладно, – бросил он грабли, не доделав работу до конца, – бежим за удочками.

И они помчались наперегонки обратно в деревню, по пути играючи подталкивая друг друга в спину и плечо. Их смех было слышно, казалось, за много километров, но они продолжали смеяться, позабыв про всё на свете. Долгое расставание дарует при новой встрече другие, совершенно непередаваемые чувства внутри тела. Это будто бы другая радость, другой смех, другой мир!

– Тс-с, – приложил палец к губам, Бонум, – я должен незаметно и очень тихо пробраться в сарай и взять удочки.

– Я пойду с тобой, – прошептал Атердо.

– Нет, Атердо, ты будешь ждать меня здесь! Я быстро, туда и обратно.

– Ну хорошо!

Словно маленький воришка, на цыпочках и перебежками, Бонум пробирался к сараю. И всё бы ничего, но эти громкие гуси (которые, по легенде, однажды спасли Рим своим звонким криком), гогоча и хлопая крыльями, подняли устрашающий звук, что даже матушка Бонума вышла на крыльцо взглянуть и успокоить тревожных гусей.

– Кто же вас встревожил? – сказала она и загнала их в загон. – Не дай Бог снова прилететь тем ястребам, – добавила она.

Атердо, конечно же, слышал, как матушка его лучшего друга оскорбляет ястребов, которых любит он сам. Такие слова некоторый раз выводили его из себя, поскольку он дал слово защищать своих пернатых друзей. Но на этот раз повод был невелик, и он быстро успокоился, ведь это была матушка лучшего друга. Атердо утаил эти слова в памяти.

Бонум замер за стогом сена, словно статуя, дожидавшись, когда матушка снова зайдёт домой. Быть обездвиженным так долго ему ещё не приходилось никогда в жизни. Ноги его затекли, а руки были будто не его после такого замиранья. Наконец-то дождавшись ухода матери, он быстренько вбежал в сарай, схватил удочки, точно так же быстро выскочил оттуда и помчался наутёк.

– Ты чуть было не попался, – сказал Атердо.

– Знаю, но сегодня судьба благоволит нам, – улыбнулся тот. – Ну что, идём?

– Мы снова пойдём на тот самый пруд?

– Да, а что?

– Чтобы те ненормальные снова набросились на нас, как стая бродячих собак?

– Не бойся, Атердо, в этот раз мы сможем дать им отпор в случае чего, ведь так?

– Вообще-то я хотел предложить тебе пойти на другое озеро. Оно называется «Затон». Я слышал, что там водятся огромные окуни и щуки. Вода там настолько прозрачная, и в ней,

видно как под тонким слоем зеркала плавают рыба, в чьей чешуе отражается солнца свет и переливается яркими красками.

– Правда? – удивился Бонум. – Где же то озеро? Оно далеко?

– Совсем рядом, вон у тех гор!

– Но ведь там...

– Дикое племя? Это просто легенда, поверь мне. Никакого дикого племени в тех горах не существует. Нас лишь запугали взрослые, чтобы мы туда не ходили, ведь богатые люди добывают в тех ручьях золото. Или ты струсил?

– Струсил? Я? Пошли.

– Вот это правильное решение, друг! – обнял он Бонума за плечо, и они пошли к высоким горам, к чистому озеру.

Пройдя часть дороги мимо высоких стволов деревьев вокруг друзей вдруг пролилась тишина от внезапно появившегося страха. Пение птиц было не слышно, а по верху макушек деревьев гулял безмолвный ветер. Воздух был невероятно ледящим, а в некоторых местах изо рта даже шёл пар, словно мороз сковывал то место. Мурашки побежали по телу двух друзей, а волосы вставали дыбом, и уж точно не от холодного горного воздуха. Страх пропитал разум рыбаков, и внутренний голос молвил им вернуться обратно. Впереди шёл Бонум, а за ним след в след шагал напуганный друг и оглядывался по сторонам, обращал внимание на разные звуки и вздрагивал, подскакивая над землёй как кузнечик. Ещё через сто шагов впереди показалось голубое, как небесный свод, озеро Затон.

– Атердо, смотри, это оно – озеро!

– Да, как оно красиво. Идём скорее к берегу.

Аромат у того озера был по истине чарующим, и он врзался в их носы резким запахом свежести и растущих прямо на стволах деревьев и свисающих с ветвей роскошных орхидей. Некоторые цветки повисали так, что касались лепестками голубой воды, в которой рыбы щепали своими губками эти погружённые в воду необыкновенные растения. Большие рыбины плескались и выпрыгивали из воды, словно дельфины, и эта картина разрисовывалась по всему озеру, от одного и до другого берега, в каждом ручейке и вблизи водопадов.

Молодые друзья торопясь размотали удочки и сели на берегу в густой зелёной траве. В небе над их головами кружили ласточки и стрижи, исполняя сложные пируэты, переворачиваясь в воздухе. Одну за одной они вытаскивали рыбу на берег и восхищались пойманной добычей.

– Ну как тебе, славное место для рыбалки? – спросил Атердо.

– Воистину! Все твои слова оказались правдой, мой друг! Мне будто бы это снится, – улыбнулся Бонум. – А ну, стукни меня, Атердо. Хочу убедиться, что это действительно не сон. Давай, толкни меня.

– Полагаю, ты сошёл с ума от таких красот, Бонум, – засмеялся Атердо и закинул в очередной раз удочку в озеро.

Звонкий смех мальчишек уносился высоко в горы и в глубокие пещеры, наполненные водой. Шум и веселье юношей привлекли к озеру одно очень страшное племя, о котором ребятам рассказывали в детстве и на праздничных ярмарках в городе. Ласточки и стрижи вдруг очень быстро взмыли вверх и пропали за высоким лесом, рыба перестала клевать и выпрыгивать на поверхность воды. Только шум водопадов громыхал в наступившей в одно мгновение тишине. Лёгкий поток зефира волновал высокую траву у берега, но этот ветерок был скажочно тёплым, даже слегка горячим. Атердо и Бонум сидели и не шевелились, словно мышки, забившиеся в углу, прислушиваясь к каждому шороху. Вдруг за соседним утёсом послышался странный звук, будто кто-то спрыгнул в воду, потом ещё и ещё.

– Что это, Бонум? – спросил дрожащим шёпотом Атердо.

– Я не знаю! Кажется, мы засиделись, собирайся, нам пора обратно домой.

Очень быстро они стали сматывать удочки, собирать улов, чтобы скорее унести ноги от этого озера. Но едва сделав шаг вперёд, прямо у ног Атердо вонзилась в землю огромная красная стрела, которая через мгновение растворилась, словно мираж.

– Бежим, Атердо, – подтолкнул его в спину друг.

Дикий крик они услышали со всех сторон, и эти вопли становились ещё страшнее в отражающемся от высоких скал голосе дикарей. В панической атаке два друга торопились скрыться в лесу, но прямо перед их носом с невысокого утёса спрыгнул один абориген. Кожа его была бела, как самый чистый снег высоко в горах, глаза ярко-голубые, а рост превышал два метра как минимум. Он смотрел в глаза Бонума, слегка шурясь, когда в тот самый момент Атердо ринулся убежать, спотыкаясь от ужаса, но снова вставал и бежал уже не оглядываясь.

– Атердо, не бросай меня, – прокричал ему вслед Бонум и хотел было тоже ступить в сторону, но этот дикарь перекрыл ему путь блестящим, как серебро, копьём. Сердце Бонума билось столь часто, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди, и он уже подумывал о смерти, вспоминая мать и отца. Вознеся копье высоко над мальчишкой, дикарь с рыком ягуара хотел было вонзить его прямо в тело Бонума, но раздался ещё один грубый голос где-то позади лежащего мальчика.

– Остановись! – услышал он. – Кто ты такой? – подошёл к нему такой же по всем описаниям дикарь с таким же копьём.

– Меня зовут Бонум! Я сын фермера из деревни, что по соседству с городом.

– Бонум? Зачем ты сюда пришёл? Разве вам не рассказывали, что сюда проход запрещён.

– Прошу прощения, я, конечно же, знал, но в вас почему-то до конца не уверовал.

– Ты пришёл за золотом, верно? А ты знаешь, что все, кто пришёл к этому озеру искать золото, покоятся в том лесу. Ваш народ алчный и всегда жаждет большего. Ваше племя словно сосуд, который всегда переполнен, но вы хотите ещё и ещё!

– Я пришёл сюда не за золотом! Мы с другом пришли сюда лишь порыбачить, и только. Простите, мы не знали, что озеро под охраной.

– Другом? Где же сейчас твой друг?

– Он...

– Он сбежал как крыса, – перебил его другой дикарь. – Убегал так быстро, что вряд ли бы моя стрела нагнала его, – засмеялся тот же дикарь.

– А какого происхождения этот твой друг? Расскажи мне, Бонум – сын фермера.

– Мой друг из высокой семьи! Он живёт в поместье Ястребиное со своей семьёй. Атердо хороший.

– Не всегда хорош тот друг, что растёт в богатой семье. Друг никогда не бежит от собственного страха, оставив своего же друга умирать. Он бросил тебя, Бонум.

– Возможно, он боязлив, но в остальном деле он не плох.

– Поднимись с земли, Бонум! Хочу рассмотреть твоё лицо.

Бонум поднялся и встал прямо перед лицом высокого дикаря. Он смотрел на него снизу вверх, но страх практически отступил от него. Он почему-то был уверен, что племя не причинит ему вреда.

– Вы убьёте меня, как всех, кто приходил сюда?

– Убьём? Нет! Но ты должен будешь передать некоторые слова в поместье. Если сделаешь это – я сохраню твою жизнь, а если обманешь – я убью всю твою семью.

Дикарь тогда сказал мальчишке и велел передать те слова отцу Атердо. Бонум согласился, и они его отпустили вместе с уловом.

– И впредь больше не являйся в мои владения, иначе гром поразит вас всех!

Бонум скорее уходил. Всю дорогу он слышал в своей голове его голос и видел этот ледяной взгляд голубых глаз, подобных чистым драгоценным топазам. Всё, что он хотел, – это поскорее вернуться домой, к родителям и больше никогда не возвращаться в те горы.

Солнце село. Бонум вошёл в дом, где его ждало ещё одно жалкое горе. Мать сидела и редела над лежащим на кровати мужем, крепко сжимая его руку в своей руке.

– Что случилось, мам? – подбежал он вдруг.

– Твой отец оставил нас, сын мой!

– Отец умер? – пал Бонум на колени.

– Несколько минут назад. Он велел передать тебе, что очень любил тебя, сын.

– Я тоже тебя люблю, папа, – прошептал он и смахнул слёзы рукой.

Так Бонум остался без отца, но с сильной матушкой. Отца похоронили с его предками на старом кладбище в дубовой роще. Несколько дней подряд Бонум приходил на могилу отца и просто молчал, глядя на белые симбельминии, что росли на могиле его дедушки и бабушки. Это горе на три дня отвлекло его от той встречи с дикарями, но после Бонум вспомнил всё: как убегал его лучший друг, взмах острого и звенящего копья, слова дикаря. После обеда он решил пойти в поместье и передать слова отцу Атердо, иначе племя придёт в деревню за ним.

Хоть Бонум и знал о том, что в поместье ему не попасть, он шёл туда с надеждой на то, что его хотя бы там встретит его друг. Приблизившись к невысокому каменному забору, он увидел, что в парке работают слуги, и подошёл к ним с просьбой. Ещё он обратил внимание на то, как высоко в небе кружил горный орёл и кричал. Орёл сделал несколько кругов и улетел в горы.

– Что тебе нужно здесь, мальчишка? – спросил лакей, подойдя к нему ближе.

– Я пришёл к Атердо, точнее, я пришёл к его отцу, чтобы передать кое-какие слова.

– Какие ещё слова?

– Бонум, ты живой? – увидел его Атердо и бросился к другу. – Я думал, что тебе конец, друг, – продолжал улыбаться парень.

– Не волнуйся, они меня отпустили!

– Кто отпустил? – спросил, нахмутив брови, лакей.

– Атердо, мне нужно увидеться с твоим отцом, – сказал Бонум, проигнорировав вопрос лакея.

– С моим отцом? Но зачем? Он вряд ли станет разговаривать с тобой.

– Я понимаю, но я должен с ним поговорить всё равно, или хотя бы попробовать поговорить. Пожалуйста, – добавил Бонум.

– Хорошо, следуй за мной.

Впервые Бонуму посчастливилось побывать за забором поместья, но с внутренней стороны. С удивлением и большим вниманием он рассматривал всё вокруг, но Атердо шёл так быстро, что статуи и фонтаны пролетали мимо глаз Бонума, увы, быстро. Огромные колонны в виде белоснежных атлантов подпирали сам дом, а стёкол было так много, что в них можно было рассмотреть отражение всего парка и часть пейзажа, который был за пределами самого поместья.

– Стой здесь, я позову отца, – сказал Атердо.

Бонум, конечно же, хотел войти внутрь и полюбоваться внутренней отделкой дома, но друг не позволил, и, по всей видимости он так поступил, потому что боялся своего отца. Но снаружи было не менее красиво, и этот чистый горный воздух был таким насыщенным, что дышать было легко и сладко. Пока он ждал Атердо и его отца, ближайший фонтан с бюстами предков этого поместья привлекал парня к себе. Тонкие струи, льющиеся во все стороны, и каждый раз они играли по-новому. Под ногами ярко зеленел газон, напоминающий мягкий шёлк, на который Бонум не осмеливался наступать, оглядываясь по сторонам.

– Бонум, ты где? – раздался голос друга.

– Я здесь, – мигом вернулся Бонум к порогу, где стоял хозяин этого великолепного дома. Вид у него был устрашающим: большая чёрная борода, густые чёрные брови и глаза цвета спелого каштана. Широкий плащ, из-под которого торчала рукоять сабли, а с другой стороны виднелся пистолет. Он смотрел на Бонума, как ястреб смотрит на свою жертву, и курил трубку.

– Говори, Бонум, – прошептал Атердо.

– Простите, господин, что прерываю вас от важных дел, – слегка поклонился мальчик.

– Говори короче, что ты хотел? – послышался грубый голос.

– Мы с Атердо... Прошу прощения, я один решил пойти на рыбалку к озеру Затон, и там я нарвался на горное племя. Убежать у меня не вышло, – взглянул Бонум на Атердо, но тот даже не постыдился опустить глаза – настолько ему не было стыдно и обидно за друга, – и они окружили меня...

– Как тебе удалось избежать смерти, мальчишка? То племя жестокое и никого не отпускает живым, – напучил свои глаза хозяин дома.

– Они пообещали не убивать меня, если я передам вам их слова, господин. Один из них велел передать вам, чтобы вы больше не смели запускать своих ястребов на их территорию, чтобы те не убивали животных и не таскали рыбу с их водоёмов. Ещё он сказал, если вы ослушаетесь, они придут в город и убьют всех!

– Как ты смеешь мне говорить такое, глупый мальчишка, – достал хозяин саблю и замахнулся на Бонума, но Атердо смог остановить его.

– Прошу тебя, отец, не делай этого.

– У-ух, несчастный мальчишка. Возвращайся к тому племени и передай им о моём отказе исполнять их никчёмную волю. Они никогда не будут командовать мной, эти дикари скоро вымрут, все до одного, и я им в этом помогу.

– Уходи, Бонум, – снова прошептал Атердо. – Беги же!

Бонум ещё раз взглянул на яростного хозяина и, развернувшись, покинул территорию поместья. Он сильно переживал прежде всего о своей семье, ведь господин не согласился исполнять их просьбу, а значит, дикари должны прийти в город. Делать было нечего, и Бонум решил возвратиться к озеру и попросить племя не убивать его семью и невиновных людей в городе. Подумав на опережение (ведь Бонум был интеллектуально не слаб), он поторопился к горам, дабы вернуться до заката домой, если дикари оставят его в живых.

Уже ничего и никого не боясь, Бонум пришёл к озеру и принялся кричать:

– Где же вы? Это я, Бонум! Я пришёл сказать вам важную новость!

Так он кричал и звал дикарей в течение двадцати минут, но, кроме птиц, перепрыгивающих и перелетающих с ветки на ветку, он больше ничего не слышал и не видел. Тогда он сел на травянистый берег, свесил ноги над водой и стал смотреть на своё отражение, словно в зеркало. Тихая вода осторожно дрожала и искажала мальчика в отражении, а вместе с ним и небесный свод, часть деревьев и гор. Уже от скуки и усталости Бонум подбирал маленькие камешки с берега и бросал их в озеро, распугивая рыбу. Когда и это занятие ему надоело, он встал с земли и хотел было уже уходить, как увидел позади себя неизвестного человека, который не был похож на дикаря. Он прятался среди кустов, словно хищник, но после куда-то бесследно растворился.

– Ты передал послание? – раздался теперь голос уже с другой стороны.

От испуга Бонум даже вздрогнул и обернулся, отступив два шага назад. Перед ним стояло несколько дикарей, и один из них был вождём.

– Да, я передал слова в поместье, господин! Впрочем, я за этим сюда и явился. Прежде чем вы пойдёте в город, я бы хотел попросить вас не убивать мою матушку и других людей, ибо хозяин дома отказался повиноваться вам.

– Отказался, значит? Что ж, – подошёл к нему ближе белокожий вождь, – осмелюсь заметить смелость в твоей душе и глазах, Бонум. Ты явился сюда сам?

– Да, господин! Ступая сюда, я уже не надеюсь вернуться обратно, зная вашу жестокость, но, если мне всё же удастся остаться в живых, я бы попросил вас о помиловании моего народа.

– Возвращайся в город, мальчик, и не беспокойся о своём народе. А с тем поместьем мы поступим иначе, но несколько позже. Благодарю свою судьбу за то, что она наделила тебя смелостью.

– Спасибо! – кланялся Бонум вождю. – Вы очень мудры.

Такое качество, как смелость в человеке, открывает очень многие двери в жизни, за которыми ждут нас наверняка все те мечты, о которых мы думаем в детстве. Трусость же, напротив, порождает в человеке страх, за которым нет ничего, кроме дум, наполненных пустотой и холодным мраком. Преодолев все страхи, Бонум тем самым спас свою матушку и свой народ от возможной и скорой смерти от рук горных дикарей. К закату солнца Бонум вернулся домой, как и планировал. Дома у печи сидела его матушка и щепала берёзовую кору на поленьях. Сбросив с себя кафтан, мальчик принялся помогать ей – с облегчением на душе, что всё он смог исправить один, без чьей-либо помощи.

Нищий человек не означает, что он слаб и беспомощен, а богатый человек не означает что он силён! Скорее наоборот, в бедном человеке просыпаются все те качества, которые нужны для выживания и которых нет у влиятельных детей богатых родителей, которые не привыкли к трудностям и тяжёлому труду.

Следующим утром, когда Бонум встречал восход солнца в поле, в то же время к нему явился Атердо и снова попросил извинения за свою слабость и за слова отца.

– Ты простишь меня, Бонум? Я снова бросил тебя, убегая от тех дикарей.

– Я не злюсь на тебя, Атердо! Слабые пороки есть в каждом из нас. Однажды ты сможешь преодолеть свой страх, – улыбнулся Бонум.

– Отец не хотел тебя обидеть, это правда! Его обидели слова, те, которые ты принёс от дикарей. Издревле наши предки воюют с ними, отсюда столько ненависти даже от того, что кто-то говорит о них.

– Я не мог иначе, Атердо! Но я, слава Богу, смог всё поправить, – сел на сено улыбочивый друг, – дикари не придут в город и не убьют в нём беспомощных людей. Они снова отпустили меня и назвали смельчаком!

– Так ты снова ходил к ним? Что ты им сказал про моего отца? Что ты им сказал, Бонум?

– Я сказал правду! Ответом их было неясное рассуждение о будущем и о поместье. Ты должен убедить отца, чтобы он перестал враждовать с ними и запускать ястребов на их территорию. Нужно жить и не мешать друг другу, не убивать из-за горстки золотой пыли и нескольких самоцветных камней. Дружба превыше всего этого.

– Я смотрю, ты уже подружился с этими дикарями. Так, Бонум?

– Я пообещал им, что больше никогда не ступлю ногой на их землю.

– Вряд ли мне удастся убедить отца подружиться с дикарями. Его убеждения об обратном достаточно ясны и тверды, как алмазная стена в тех горах. Он не станет примиряться с дикарями.

– Значит, чему быть, того не миновать... Я должен убирать сено, Атердо, а после я пойду на могилу к отцу.

– Твой отец умер? – сделал жалостный вид друг. – Почему ты не сказал мне раньше?

– Потому что мне велено не приближаться к твоему дому даже за несколько километров. А почтовых голубей у меня нет! А если бы и были, то и письма ты бы с трудом дождался, вспоминая стражей в вашей высокой башне. В наших окрестностях не осталось ни одного голубя. Ладно, расслабься, я же просто пошутил, – добавил Бонум, заметя в своём друге смятение и обиду в глазах.

– Все говорят, что наша семья жестокая, а поместье обходят вокруг за сотни метров. Иногда мне становится дурно, что я один из членов семьи Ястребиного.

– Тебе не должно так говорить. Ты родился в хороших условиях, друг! Отбрось все негативные помыслы – и солнце опрокинет свои тёплые лучи на душу, в которой таится невысказанное.

Бонум был для Атердо словно лечащей травинкой, когда тому становилось не по себе от самого же себя, от его рода и от много чего ещё. Он утешал его несмотря на то, что у него были родители столь величавые, что могли позволить себе очень много заморских ощущений, целительных трав и корней, и даже – людей! Но любовь не преобладала над их эмоциями и над нравами нищих людей вокруг себя, ведь они точно знали, что их дети ни в чём не могут нуждаться, развиваясь под такими крыльями...

Миновало ещё три года, и парни стали практически взрослыми. Им обоим исполнилось по восемнадцать лет, и каждый из них возмужал и изменился в голосе, теле, разуме и интересах. Говоря об интересах, Атердо не изменил своим нравам и продолжал выращивать и дрессировать ястребов. Единственное, что добавилось к его интересам, это девушки! Он был падок к дамам лёгкого поведения, за что не раз получал выговор от своей матери и не мало от отца. Постоянно выслушивал насмешки от своих сестёр, которые также повзрослели и считали брата «пародией Дон-Жуана». Но Атердо, будучи уже совершеннолетним, не обращал внимания на похотливых сестричек, он мог по своей прихоти устраивать балы и маскарады в поместье, и делал это каждую субботу, а иногда и в воскресенье.

Интересы Бонума оставались неизменными, лишь за исключением того, что он хотел продолжить дело отца – заниматься фермерством, и для этого он много работал и мечтал о ещё нескольких полевых участках, на которых можно было бы выращивать хлеб и другие культуры. Право занимать землю у Бонума не было, ему в том деле даже не помог его лучший друг. Атердо говорил, что когда он сам станет правителем поместья, тогда, возможно, он и поможет. Бонум, обладая терпением и добротой, не стремился осуждать друга, поскольку дружбу он ценил превыше всех денег и земельных участков.

Глава 3 Любовь на двоих

Спустя несколько недель в городе Таулондуф планировалась ежегодная ярмарка в связи с последними днями лета, и на ту ярмарку съезжались самые богатые купцы, фермеры и рыбаки. Такого шанса не могли упустить Бонум и Атердо, ведь на ту ярмарку приезжали и дамы из-за морей и океанов, что в особенности не мог пропустить любвеобильный житель поместья Ястребиное. Атердо ждал этого дня, словно всю свою жизнь он стремился только к походу в балаган, чтобы взглянуть на иностранных красавиц, разодетых в меха и шёлк, разукрашенные их лица и длиннющие волосы, заплетённые в косы, напоминающие ему спелый колос. В свою очередь, он и сам наряжался, подобно хозяину личного поместья, в дорогие одёжки – с позолоченными узорами и швами. Но его сёстры смеялись над ним, потому что в их глазах он был смешон и больше походил на шута, нежели на приятного джентльмена.

– Сегодня в Таулондуфе ярмарка, мама. Я пойду туда с Атердо, – сказал счастливый Бонум.

– Но в каком виде ты явишься туда, сын? У тебя же нет приличной одежды.

– Да, у меня нет подходящего белья и костюма, но я пойду туда всё равно. Там будет столько красиво одетых личностей, что на меня никто не обратит внимания. И потом, дело не в одежде, мама.

– Ах, наивный ты мой мальчик, – засмеялась его мама, – мир устроен совершенно не так, как в твоих книжках и мечтах. Мир намного суровее и серее во всех оттенках этого цвета.

– Значит, пора добавить в него и своих красок. Ладно, я побежал, – поцеловал он мать в щёчку и поторопился за другом.

Достаточно долго ему пришлось прождать своего друга у забора поместья, и вот наконец-то он дождался. Атердо явился перед своим другом в дорогом наряде и приятно пахнущим.

– Ну что, идём? – улыбнулся Бонум.

– Ты пойдёшь в этом? – удивился Атердо глядя на него как-то искоса.

– Да! – ответил не задумываясь Бонум. – Ну так что, друг?

– Нужно поторопиться, я слышал, ярмарка в самом разгаре, дружище.

Хоть до Таулондуфа пешком было порядка пяти километров, друзья добрались до него быстро и практически не затратив на это короткое путешествие много сил. Ещё задолго до самой ярмарки до друзей доносились разные шумы и звуки, издаваемые музыкальными инструментами, криками и иностранными словами, что подтверждало то, что в городе много иностранцев. Бонум и Атердо в прямом смысле слова врезались в весь этот людской сонм, словно волна набегаёт на волну и смешивается в потоке. Они скорее пробирались вперёд, а именно туда, где сейчас же выступали иностранные девушки: они пели песни, танцевали свои народные танцы и широко улыбались. И кого они там только не видели даже из животного мира – эти заморские богачи привезли с собой обезьян, больших разноцветных попугаев и даже слонов и верблюдов. Бонум смотрел на этих животных, словно на нечто с другой планеты, и очень хотел прикоснуться рукой к слону и ощутить его толстую кожу на его длинном хоботе. Атердо же уже не раз видел всю эту живность, поэтому его внимание привлекали не животные, а танцевавшие тогда танец живота девушки, приплывшие к ним из Индии. Его жадный и пронзительный взор пал на одну из тех девушек, и он с нетерпением ждал окончания их выступления, чтобы подойти к ней и познакомиться.

Засмотревшись на диких, но приручённых людьми животных, Бонуму почему-то стало жаль их, ведь им наверняка было страшно находиться в таком чересчур людном месте привязанными тугими верёвками и в клетках. Люди приручили их на потеху для самих же себя, и при этом они зарабатывали на живых существах немалые деньги. Хозяева были готовы даже бить слонов плетями – и всё ради того, что смеющийся и никогда не выдавший таких обитате-

лей природы народ платил неплохие деньги приезжим принцам, миссионерам и купцам. Задумавшись, Бонум даже потерял из виду своего друга. Панически оглядываясь по сторонам, он стал звать его:

– Атердо! Атердо, где ты?

И так, наталкиваясь на людей и не найдя своего друга, Бонум практически упёрся лбом в дверь галантереи Дефержузуа! Чтобы перевести дух и отдышаться от поисков, он вошёл внутрь и всё сразу утихло. Внутри было тихо и спокойно, лишь несколько дам стояли друг за другом в очереди и что-то себе покупали. Рассчитавшись и приобретя товар, они сразу же покинули галантерею, чуть было не сбив с ног Бонума, стоявшего тогда у входа.

– Вам чем-то помочь? – раздался голос помощницы Дефержузуа.

– Нет, простите, я сейчас же уйду, – ответил, растерявшись, Бонум, но задержать его смогла только она!

Дефержузуа вышла из другой комнаты, и в руках у неё было много лент разного цвета. Она так сияла в глазах Бонума, что он на мгновение позабыл про всё на свете. Когда и она взглянула на него, он сразу же бросил глаза ниц и увидел на своих ногах порванные башмаки. Так стыдно ему ещё никогда не было, тем более явившись перед такой красотой в рваном виде.

– Не переживайте, мне не важен ваш вид одежды, – сказала Дефержузуа. – Я вижу, вы растерялись, глядя на свои ботинки?

– Простите, госпожа, я вовсе... Я всего лишь ищу своего друга, мы вместе пришли на ярмарку, но всё это веселье разлучило нас, – неожиданно набрался храбрости Бонум.

Дефержузуа за мгновение нашла в том парне подобие чего-то другого, чего нет в других парнях. Его искренний взгляд, доброта и отзывчивость. Под помятым кафтаном и порванными штанами скрывалось сильное тело, которое говорило ей о том, что парень не слаб физически и смел духом, раз смог вот так явиться в город. Их души в тот миг будто вырвались из их тел и танцевали медленный танец в каком-то отдельном от настоящего мире!

– Как ваше имя? – спросила она тихим голосом.

– Меня зовут Бонум! Я сын фермера! Простите, покойного фермера, своего отца. У вас здесь очень красиво, – улыбнулся Бонум.

– Да, наверное, – была без ума Дефержузуа.

– А как ваше имя?

– Дефер! Простите, Дефержузуа. И, можно «на ты».

Она никому ещё не говорила своё имя, которым ласково называть её могла только её покойная мать. Но Дефержузуа обронила своё короткое имя и сразу же исправилась.

– Очень приятно, – снова улыбнулся парень. – Вероятно, вы, то есть, ты, благородного происхождения, правда?

– Прости.

– Твоё имя такое красивое, и оно трудно выговариваемое, осмелюсь заметить. Напиши мне его на бумаге, чтобы я мог произносить его правильно?

– Да! Да, конечно, – будто под гипнозом взяла Дефержузуа перо и написала своё имя на листке бумаги.

– Де-фер-жу-зу-а, – прочёл Бонум по слогам. Твои предки были французами?

Взглянув в окно, Бонум смог заметить за стеклом своего друга, который стоял и разговаривал с дамами. Спрятав листок с именем в карман, он поторопился на улицу.

– Спасибо, Дефержузуа, надеюсь ещё увидеться с тобой, – улыбнулся Бонум и покинул галантерею.

Дефержузуа в ответ лишь успела махнуть рукой, и только. Она стояла словно остолбеневшая и не понимала, что сейчас происходит с ней. Внутри неё эмоции и чувства переплетались, словно в миксере, создавая коктейль под названием «Любовь». Чернила с пера капали ей прямо на башмачки, но она продолжала смотреть на дверь с тонкой улыбкой на устах.

– В чём дело, Дефержуза? – спросила Лилета, увидев её впервые в таком состоянии. – Ты знакома с тем парнем?

– Нет, не знакома, но у меня такое странное чувство, будто он и есть тот единственный герой моего романа. Бонум, – шептала она.

– Полагаю, он слишком беден для тебя, верно? Ты видела его одежду, милая леди?

– Нет, не заметила, прости, – пришла в себя Дефержуза и вернулась к работе.

Бонум стрелой вылетел на улицу и подбежал к своему другу.

– Атердо, я тебя всюду ищу, дружище, – обнял он друга.

– Кто это? – удивилась одна дама.

– Что это? – воскликнула и вторая, сделав неприятную гримасу на милом лице.

Атердо стоял и молчал, поскольку ему было стыдно признаваться, что этот парень в оборванной одежде его лучший друг. По его лицу можно было прочесть: «Бонум, ты появился не в самый лучший момент!»

– В чём дело, Атердо? – сказал снова Бонум.

– Кажется нам пора идти, Атердо, сын богатого папочки, – заулыбались путаны и скрылись в толпе.

– Ты как обычно являешься не вовремя, Бонум-оборванец! Я только что из-за тебя упустил этих крошек. Что мне теперь делать, может, скажешь?

– Прости, Атердо, но не стоит так переживать из-за них. Таких девушек тут словно колошевы в поле. Я подумал, что потерял тебя в этой толпе.

– Лучше бы и потерял, – прошептал Атердо и двинулся вперёд.

– Куда ты уходишь, брат?

– Увидимся после ярмарки, Бонум. Я должен кое-что доделать, извини.

Так Бонум остался один на ярмарке среди сотен людей, но расстраиваться он не стал по поводу ушедшего друга. Наоборот, он искал себе веселье, смотря на детей, которые катаются на аттракционах и кричат от полученного удовольствия. Проходя мимо одной палатки, где торговали красивыми узорчатыми платками, Бонум вспомнил о своей матушке и полез в карман за монетами. К несчастью, у него не хватало пару монет на платок, который он выбрал для своей матери. А дешевле платков не нашлось. Но и среди торгашей, под чьей позолоченной одеждой есть люди, которые иногда открывают своё доброе сердце и идут на уступки. Таким образом, молодому Бонуму посчастливилось купить для матери подарок.

Больше не вспоминая Атердо (ведь он точно знал, что тот его вряд ли ждёт, так сильно увлечшись девушками), Бонум отправился обратно домой, тем более и ярмарка подходила к концу. Всю дорогу он шёл и оборачивался назад, а ещё у него не выходила из головы та девушка из галантереи, чьё имя он сохранил на бумажном листке, который иногда доставал из кармана и произносил вполголоса.

– Мама, смотри какой у меня для тебя подарок! – забежал в дом единственный сын. – Я купил его на ярмарке для тебя.

– Ах, Бонум, этот платок просто прекрасен, – взяла она его в руки, – и такой мягкий.

– Его привезли из-за океана. Производство – Индия, представляешь? Женщина-продавец оказалась весьма вежливой и доброй сердцем. Она простила мне несколько монет и продала за восемь.

– Спасибо, сын, я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, – обнял он её. – Ещё я случайно набрёл на одну галантерею, когда искал Атердо в толпе, и встретил там невероятно красивую девушку. Она даже не поддаётся моему описанию – настолько она хороша и красива, мама. От неё шёл тёплый свет, я чувствовал это не телом, а душой. Завтра же я снова хочу пойти в галантерею. Кстати, она записала мне своё имя, вот. Её зовут Дефержуза!

– У неё и имя красивое, следуя твоим впечатлениям о ней, – улыбнулась его матушка.

– Она необыкновенная и чарующая!

Так думала и впечатлительная Дефержузуа о случайном парне, который забрёл в её галантерею этим днём. Весь день и до вечера она думала о нём, представляла его перед собой и улыбалась. Счастливая, она пошла домой, ведь оставаться сегодня в городе она не желала. Она шла через поле, на котором разбушевался сильнейший ветер. Он приносил из далёкого леса листья деревьев и игрался с ними, а иногда бросал в поле и улетал за другими. В порыве своей игры он пригнал из-за гор тёмные, даже с синим оттенком густые тучи, из которых выстреливали разряды молнии и громыхал оглушающий гром! Добраться до дома сухой она не успела, дождь застал милую девушку ещё задолго до деревни, километра этак за три. Платье её промокло насквозь и просто прилегало к стройному стану, выделяя пышную грудь и упругие бёдра. Кудрявые локоны наполовину выпрямились от прохладного дождя, одним словом – дождь, словно стилист, сделал её ещё более привлекательной и сексуальной.

Держа подол руками, она приближалась к дому, хлюпая по лужам и грязи и уже совсем не обходя раскисший грунт стороной по траве, которая была начисто вымыта проливным дождём, Дефержузуа ступила на порог дома и выдохнула. Она быстренько растопила камин, привела себя в порядок, стоя перед зеркалом и расчёсывая ещё влажные локоны, медленно следя за своей рукой в отражении.

Сухие дрова трещали в старом камине, а красный огонь привлекал к себе ближе и согревал своим природным теплом. За окнами вмиг потемнело, хотя до заката солнца было ещё достаточно долго. Преждевременный вечер наступил из-за заслонивших солнце грозových облаков, поэтому удивляться сумеркам до заката дневной звезды вовсе не стоит, ведь так происходит довольно часто, в любое время года. Когда горячий чай и прогретый воздух вблизи каминного согреет и высушит её, она принялась за письмо, а именно – талантливая девушка продолжила писать свой выдуманный роман. Она брала моменты и эпизоды каждый день из своей жизни, которая кружится вокруг неё, словно первая снежинка в декабре, так не ровно, и удивляя людей, находившихся рядом.

Дефержузуа не знала границ в письме. Она мочила перо в чернилах раз за разом до тех пор, пока не начинала клевать носом в листы бумаги. Нередко она даже могла заснуть за столом, опершись одной щекой на стол, а иногда вытягивала одну из рук на стол и ложилась с мыслью «на минутку». Минутка превращалась в час до золотистого рассвета, когда настольная свеча угасала, сплавив воск до самого основания. Такие сонные ночи были не всегда, сегодня Дефержузуа закончила писанину раньше обычного, поскольку думалось легко, и главное – было о чём! К тому часу прекратился ливень, и только гром с грозой сверкали и гремели где-то в отдалении, за долгими полями и высокими лесами.

Проснувшись Дефержузуа на другое утро с хорошим настроением и мыслью о Бонуме, и важнее всего – с улыбкой на устах. Сегодня ей невероятно хотелось поскорее добраться до галантереи, но вчерашний ливневый дождь размыл все дороги, а ветер наломал немало веток. Поскальзываясь на мокрой траве, она торопилась в город, и явилась туда снова мокрая, а обувь её была измазана чернозёмом.

– Прости мне, Лилета, мой неряшливый вид, – улыбнулась Дефержузуа, – я вся испачкалась, пока добралась до порога галантереи. Вчерашняя погода добавила свои коррективы на пути по протоптанным дорожкам.

– Сделаю вид, что я ничего не заметила, – ответила Лилета и прикрыла тонкой ладошкой часть лица. – Как ты себя чувствуешь сегодня? Вчера я не могла смотреть на тебя. Ты словно не ранена была стрелой Амура, а будто бы он приковал тебя своими наручниками.

– Прекрасно чувствую себя, – рассмеялась хозяйка заведения. – Боюсь сказать тебе, но он подарил мне ещё и крылья.

– Невероятно! Неужели тот парень действительно задел твоё сердце, солнце?

– Полагаю, нам пора приступить к работе, о юная и любопытная Лилета! Поговорим об этом позже, хорошо?

– Согласна, – подскочила помощница со стула и приложила ладонь к голове.

За окнами галантереи люди уже во всю мелькали своими шляпами, проходя из одной части балагана в другую. Колокольчик на двери галантереи не переставал звенеть, поскольку сегодня субботний день и клиентов будет предостаточно много. Дефержузуа как никогда раньше обращала взор на всех, кто входил и выходил от них, и это было вполне оправдано. Она ждала Бонума, ведь он обещал зайти к ней снова, поэтому реакцией Дефержузуа была взволнована и Лилета.

Лилета была с ранних лет кокетливой особой, и она не так сильно верила в крепкую любовь, как верила в неё её заботливая хозяйка. Однако наблюдать за происходящим ей очень нравилось, это было для неё как уроком, который повторялся раз за разом, и не только в галантереи Дефержузуа. Когда ей едва исполнилось семнадцать, юная девушка часто сбегала из дома и много времени проводила с подружками в барах, а не на балах. Она любила проводить время в более доступных местах, нежели показывать себя в высших обществах. Лилета хотела жить именно так, в поисках своего счастья. Но бар – не дом для знакомств! Бар соблазнял пришедших в него алкогольными напитками, весёлой музыкой, а иногда и драками повздоривших парней из-за девушки или кто кого обманул в покере. И именно такая романтика нравилась молодой Лилете. Злоупотребляла ли она алкоголем? Нет! Да и парнями она иногда могла пренебречь, поскольку она как нормальная девушка искала для себя немножечко счастья, а не только удовольствия, выжатые из бокала с шерри, или поцелуй в медленном танце, с каким-нибудь симпатичным парнем. Всем она могла забавляться, но в настоящую любовь верить у неё практически не получалось.

– Ты глаз не сводишь с входной двери, госпожа! Не пора ли нам уделить минутку чаю, пока поток людей ослабел?

– Да, конечно, дорогая. Сделай и мне, ладно?

– С удовольствием.

Пока молодая Дефержузуа глаз не сводила с двери, Бонум не переставал думать о ней. Каждым воскресным утром он со своей матушкой ходил в храм на службу, но и там мысли о ней не покидали его. Она так глубоко проникла в его душу, что, казалось, заняла всего его и мысли в голове. И вместо псалтыря он держал в руках листок с её именем и произносил полужёпотом, глядя на проповедника, читающего стихи и пения Господни. Сразу же после службы Бонум решил отправиться в город, ведь он не мог нарушить обещание, и пойдёт он к ней не один. Около дома его ждал Атердо, который хотел поделиться с другом впечатлениями о вчерашней ярмарке.

– Привет, Бонум! Где тебя носит, я сижу здесь с самого утра, как верный пёс.

– Сегодня воскресенье, я был в храме, ты же знаешь.

– И зачем ты только посещаешь его, Бонум? Думаешь, Господь не примет тебя в свою обитель, если ты не уверуешь в него? – ухмыльнулся друг. – Я вот считаю, что его нет! Думается мне, что мы природный набор, созданы по подобию всего, что есть в мире: животные, воздух, вода, горы и так далее. Мы всего лишь сгусток энергии, который, как и всё другое, когда-то прекратит все свои действия. Жизни после смерти нет, Бонум!

– Ты говоришь об этом с такой храбростью и уверенностью, словно тебе точно известно обо всём этом. Порой ты заблуждаешься, Атердо. В каждом из нас есть душа, сотканная Богом на небесах.

– Ладно, ладно, давай не будем начинать религиозный спор в такой прекрасный и солнечный первый день осени. Лучше расскажи, чем ты планируешь заняться.

– Сейчас я хотел пойти в город.

– В город? Какая надобность привлекла тебя идти в такую даль сегодня?

– Вчера я случайно набрёл на одну галантерею, пока искал тебя, и встретил в той самой галантерее красивую девушку, которая разрешила мне переждать время внутри. Как оказалось, она хозяйка той хижины, и зовут её Дефержуза, – улыбнулся Бонум.

– Какое сложное имя, – удивился Атердо. – Я пойду с тобой, хочу лично взглянуть на твою Деферж... как там дальше? – засмеялся друг.

Весь путь до города Атердо рассказывал Бонуму о своих вчерашних похождениях и новых знакомствах с девушками. На удивление, он смог охмурить пятерых несчастных, что попали в его объятия путём его хвастовства о своём семейном имуществе, что находится вдалеке от города Таулондуф. Он передавал свои ощущения с таким азартом, будто хотел, чтобы Бонум лопнул от зависти. Но Бонум большинство его выдуманных сказок пропускал мимо ушей, лишь иногда кивал головой и понарошку удивлялся его талантам.

– Тебя послушать – так ты переуживал за половиной Таулондуфа, – улыбнулся Бонум.

– Ты мне не веришь? Вот придём в город, я соблазню и твою француженку.

– Не называй её так, Атердо. Ты же её не знаешь, и даже мне она ни капли не открылась, едва написав своё имя на бумаге.

– Так она к тому же и немая? – остановился Атердо.

Бонум продолжил путь, не обращая внимания на никчёмные шуточки своего друга. Прибавляя ходу, он скорее уже хотел прийти.

– Ладно, Бонум, только без обид, ты же знаешь, что я шучу. Бонум, Бонум, подожди, я не успеваю...

Спустя почти два часа ходьбы по полям и холмам друзья были на месте. Бонум вёл своего друга через толпу людей, пришедших тогда на балаган, и каждый грубее другого, особенно когда дело доходило до случайного столкновения друг с другом или при покупке какого-то продукта, выясняя отношения по тому, отчего такие дорогие фрукты или какой свежести нынешняя рыба. И так через каждый павильон и прилавок: продавцы хотели сделать себе неплохую выручку, а покупатели желали приобрести товар по цене ниже, дабы сэкономить серебряные и золотые монеты.

Уставшие, они добрались до галантереи, и Бонум вошёл первым, а за ним – его приодетый друг. У входа их сразу же встретила помощница хозяйки – Лилета, улыбка и вежливая.

– Добрый день! Чем я могу вам помочь?

– Простите, а Дефержуза сегодня на месте? – спросил сразу же Бонум. Очень уж хочу её увидеть.

– Да, она здесь. Сейчас позову.

Лилета скрылась за стеной и уже вернулась с хозяйкой, которая сразу же понравилась и Атердо. Он стоял и смотрел, замерев словно статуя, а сердце его застучало быстрее и громче. Он видел в ней нечто большее, чем во всех остальных, с которыми он связывался ранее, и ему безудержно захотелось завладеть ей как своей собственностью, оставив друга снова не у дел. Дефержуза, конечно же, обратила внимание и на Атердо, но больше её внимание привлекал Бонум.

– Добрый день. Ты пришёл! – улыбнулась она.

– Я не мог не прийти. Знакомься, это мой лучший друг Атердо!

– Очень приятно, Атердо. Я Дефержуза, – протянула она ему свою белую тонкую руку.

– Я хозяйка галантереи.

– Небольшие владения, – ответил Атердо, – но тут весьма даже уютно и светло. Сами построили?

– Нет! Галантерея досталась мне по наследству от матушки. Поэтому к строительству я не имею никакого отношения.

Атердо понравился девушке за свой юмор и умение делать девушкам комплименты. Хотя трудно отличить комплименты и подхалимажа, поскольку это разные термины по своему определению, Дефержуза же, конечно, могла отличить одно от другого, но парень её забавлял всё равно.

Уже под вечер Бонум и Атердо взялись провожать одинокую девушку до деревни. А Дефержуза была не против такой компании, ведь она не хотела обидеть ни одного, ни второго. Только предпочтение она всё же отдавала Бонуму и иногда прижималась к нему плечом. Бонум вёл себя скромно, не кричал и не бегал вокруг неё, словно арлекин на службе у короля, как делал это его друг. А Атердо всеми путями хотел понравится девушке и готов был пойти абсолютно на любую авантюру, и, будто не замечая вокруг себя Бонума, он касался её рук и кудрявых локонов.

– Кажется, мы пришли, – сказала девушка, – спасибо ребята, что проводили, мне было приятно с вами пройтись.

– Не стоит благодарить, ведь благородный рыцарь обязан проводить юную леди до порога её дома, – ответил Атердо.

Бонум стоял и ничего не говорил. Он неохотно выслушивал азартные речи, доставшиеся бедной девушки от такого говоруна. Вместо этого он не сводил глаз с её улыбки и того, как она заправляет локоны за ушки.

– Что ж, кажется, мне пора, да и вам нужно успеть до темноты вернуться домой. Доброй ночи, Бонум, – взглянула она на него и сделалась серьёзной.

– Доброй ночи, Дефержуза!

– Надеюсь увидеться с тобой завтра, – моргнул глазом Атердо, но девушка, больше не отреагировав, вошла в дом.

Друзья отправились в обратный путь, и Атердо всю дорогу восхищался ею, и теперь уже прыгал и цокал вокруг друга, как молодой жеребёнок вокруг лошади.

– Ты заметил, как она прекрасна, Бонум? Я никого подобного не видел в наших окрестностях даже из числа приезжих иностранцев.

– Конечно, заметил, ещё вчера.

– Уже представляю, как я гуляю с ней в моём парке среди высоких аллей и фонтанов, под солнцем и под луной. Кажется, я посмел влюбиться в неё, Бонум. Ты же уступишь мне её, ладно? По-дружески.

– Она человек, Атердо, а не предмет, который можно уступать в качестве дружбы. И потом, она вправе сама выбрать, с кем ей остаться и с кем ей больше интересно. Ты согласен со мной?

– Согласен, но она невероятно дружелюбна, и думается мне, она не отдаст предпочтение одному из нас, пока мы вдвоём будем провожать её. Бонум, можно я провожу её завтра, пожалуйста? – умолял его бессовестный друг.

– Ты ведёшь себя бестактно несмотря на то, что ты из высокой семьи, Атердо. Я думал, у тебя много девушек, которые тебе подружки, – ответил друг и пошёл в свою сторону, вниз к посёлку.

– Такой, как она, у меня нет! Так что ты ответишь мне?

– Поступай по совести, брат!

Бонум не хотел, чтобы Атердо был рядом с Дефержуза, ведь он знал его одноразовые проделки во встречах, а после разбитые сердца девушек делали их замкнутыми, они уходили в себя после обещаний и признаний в любви Атердо каждой из них. Бонум хотел уберечь бедную девушку от преждевременных разочарований, от разбитого сердца и обмана со стороны друга, которому нужно было только единственное от девушек.

Этот вечер был временем для разочарования и наполнен был сожалением о том, что любовь может быть одна на двоих! Такое чувство жгло и душу, и сердце Бонума, поскольку

разделить любовь с лучшим другом было, бесспорно, нелёгким испытанием. Совесть не позволяла отказывать Атердо на протяжении многих лет их дружбы практически во многом, но тут всё по-другому: разделять личную жизнь и отношения с единственной, в которую он мог влюбиться, было куда труднее, чем попросту сказать «нет»! Боязнь обидеть друга завела бедного Бонума в тупик раздумий и решений. Полночи он ломал голову о том, что Атердо богаче него и что девушка может выбрать безбедную жизнь, нежели станет прозябать в нищете и трудясь целыми днями в поле. Эти мысли не давали ему спать, но измениться и стать богаче за одну только ночь не по силам никому, если, конечно же, не приключится какое-то чудо, кое не случится никогда! Оставалось лишь идти дорогой романтизма, совершать удивительные поступки, чтобы она могла заметить в обычном необычное и радоваться тому, что может предложить ей парень из бедной семьи.

Так он и решил поступить. Проснувшись очень рано, когда ещё даже до рассвета было далеко, действуя на опережение Атердо, Бонум бегом добрался до города, по пути набрав лесных цветов, а некоторые он сорвал в своём саду и осторожно положил под дверь галантереи Дефержузуа. После он снова вернулся домой и принялся за работу, думая о ней, как о прохладной воде в самый лютый зной, и так на протяжении всего дня жажда по ней мучала его и высасывала все силы.

Проделанный путь к сердцу девушки ранним утром оказался не напрасным подвигом. Когда сама Дефержузуа явилась на работу, то не могла не заметить этот разноцветный букет, лежавший на пороге. Оглянувшись по сторонам, она подняла его и вытащила из него маленькую записку. Улыбнувшись, она прочла:

*Прошлой ночью мне посчастливилось
не спать, думая о тебе! По меньшей мере
ты нарушила мой душевный покой, Дефержузуа.
Твой друг Бонум!*

Она прижала букет и письмо к сердцу и зажмурила глаза, то ли от счастья, то ли об боли. Понятное дело, ведь к таким сюрпризам по утрам она не привыкла, оттого такие смешанные чувства. Она поставила красивый букет в хрустальную вазу и с прекрасным настроением принялась за работу.

– Доброе утро, Дефержузуа, – послышался голос, и зазвенел колокольчик над входной дверью.

– С добрым утром, Лилета! – улыбнулась она в ответ. – Надеюсь, ты сегодня с прекрасным настроением явилась на работу? Ой, прости, я никогда не видела тебя омрачённой ни в одно утро, – била она себя по губам. – Извини меня, глупую, ладно?

– Ты же знаешь, меня трудно чем-то обидеть, а тем более мне никто не может испортить настроение, когда я просыпаюсь. Мужа у меня нет, да и кота также не завела. Кто мне ещё может испортить утро? – смеялись они в один голос. – Вау, лесные васильки! Ты сама нарвала их, правда? – обратила внимание Лилета на вазу с цветами.

– Нет! Я нашла этот букет прямо под дверью. Его принёс сюда Бонум, сын фермера.

– Полагаю, это паренёк действительно влюбился в тебя! Принести сюда цветы, в такую даль – этот поступок заслуживает внимания.

Много часов без усталости Дефержузуа не сводила глаз с букета и ждала своего героя снова в гости. Она считала минуты, но время предательски длилось так долго, как будто стрелки часов замедлили свой ход и казалось вот-вот вовсе остановятся. Ещё ничего труднее влюблённая девушка не испытывала, но сидеть и жечь время оказалось самым тяжёлым и скучным занятием во всей вселенной. Позабывшись, она даже не выходила на помощь к Лилете, которая бегала по галантерее и обслуживала клиентов, а особенно капризных невест аристократов.

Погрузившись в мечты, на самую макушку вымышленных желаний, она не хотела спускаться вниз, но замученная Лилета заставила её помочь ей.

– Дефержуза, Дефержуза, – толкала она её в плечо, – ты должна мне помочь.

– Что? Оу, прости меня, милая, я снова замечталась, – захлопнула она книгу с романом и быстро пришла в себя.

– Покупателей слишком много, и они требуют, чтобы их всех обслуживали своевременно, – прошептала Лилета.

Дефержуза вышла скорее на помощь и принялась консультировать клиентов. Молодые и богатые мужья, притащившие в галантерею своих жён, не спускали взглядов с хозяйки заведения. Они шептались друг другу что-то на ухо и кивали головами, поправляли усы и чесали затылки от порыва эмоций. Заметившие это невесты устраивали скандал прямо в галантерее. Понятное дело, ведь они ревновали и не очень-то хотели остаться без богатого наследника. Некоторые дамочки даже требовали заменить Дефержузу на другую девушку, менее привлекательную, чтобы мужские взгляды не липли на неё во время сего действия в галантерее.

– Но у нас нет других девушек, – отвечала Лилета. – Дефержуза – владелица всего этого, как вы можете так говорить?

– Будь спокойной, Лилета, не стоит пояснять им это.

– Но ведь никто не просит пялиться их женихов на чужих девушек! Что за вздор, прошу прощения. Вы настолько ревнивы, юные леди, что однажды это чувство приведёт вас в беспокорство ревновать к каждому прохожему, или хуже того – к каждому столбу! – была разочарована Лилета.

Юные девушки заохали и заахали от таких бесед, что им поскорее захотелось удалиться из галантереи. Проиграв спор с Лилетой, они скорее забрали своих женихов и скрылись за дверью, оглядываясь назад. Только колокольчик успевал звенеть на захлопнувшейся двери, и стук каблучков был слышен в открытом окне. Лилета стояла и ничего не могла сказать в своё оправдание перед Дефержузой. Лишь краткое извинение вырвалось из юных уст:

– Прости, я не хотела!

– Уже не важно! Кажется, пора закрываться и идти домой, – вздохнула хозяйка, взглянув на настенные часы.

– Впредь я не стану себя так вести, мадам, но этот их тон не выходит из моей головы! Ни манер, ни чувства вины в тех людях. Кажется, они настолько ослеплены светом золота, что порой заблуждаются, где они находятся. Они знают, какое место им отведено в обществе, но ведут они себя всё равно как простолюдины, прости меня Господи.

– Они могут быть кем угодно, дорогая Лилета. Богатство делает из людей оборотней. Перед ярким и высшим светом общества они – магнаты и владельцы крупных поместий, а пред лицом просящих копейку или кусок хлеба они сразу же перевоплощаются в нищих пилигримов. Такова суть их гармонии души и взглядов на нас нищих – свысока.

Вдруг колокольчик зазвенел, и в дверь вошёл нафуфыренный, словно дикий павлин, Атердо! Его костюм больше походил для похода на маскарад, нежели для встречи с девушкой, но юный парень не стеснялся своей одежды, своей свежести, он медленно снял шляпу и, цокая каблучками матовых чёрных сапогов, приблизился к девушкам.

– Кажется, день подходит к концу, – начал он, – я вижу на твоём лице лёгкие очертания усталости, мадам, – не сводил он взора с Дефержузы.

– Так и есть, день подошёл к концу, а значит, пора бы и отдохнуть, – сказала Лилета и взяла вещи, чтобы уйти. – Хорошего вечера, Дефержуза.

Только Дефержуза пребывала в мутном рассудке своих мыслей, ведь она не ожидала увидеть этого парня сегодня и здесь! Она смотрела поодаль Атердо, а точнее за его спину, и ждала, что и Бонум войдёт в дверь, но дверь не открывалась и колокольчик молчал.

– А где же твой друг Бонум?

– Ах, Бонум, он сейчас трудится в поле и просил передать вам это, – достал он из-за спины белоснежную и единственную розу.

– Правда? Это он просил передать мне? – сделав вид, будто она удивлена его заботе, но на самом деле она мало верила в эту передачу, поскольку букет, который она подобрала рано утром на пороге галантереи, больше походил на подарок от Бонума. – Что ж, тогда передайте ему большое спасибо от меня, – стала собираться она домой.

– Ты позволишь мне проводить тебя до дома? По правде сказать, я явился сюда только из-за тебя.

– Полагаю ты напрасно утруждаешь себя, Атердо! Ты проделал сюда такой долгий путь, но я о тебе совсем ничего не знаю. К тому же, я привыкла прогуливаться одна.

– Не торопись отказываться, Дефержузуа, я обязательно поведу тебе о своём родовом происхождении. Прошу тебя, дай мне хотя бы одну попытку, чтобы внушить тебе своё доверие.

За окном, где-то вдалеке вдруг послышался волчий вой, и Дефержузуа обратила свой взор в открытое окно.

– Странно, давно я не слышала этот страшный вой в этих краях. Ну хорошо, я согласна пройти с тобой, – проглотила слюну девушка.

– Безумно рад такому ответу, – улыбнулся парень.

Выйдя из Таулондуфа в поле, они заметили огромную жёлтую луну. Она была настолько близка, что, казалось, её можно было достать рукой и погладить.

– Так вот почему волки запели свои серенады, – улыбнулась Дефержузуа. – Неопишуемая красота. Тебе нравится?

– Ну конечно, мадам, – воодушевился Атердо и приблизился ближе к девушке, к её необыкновенному и красивому лицу. Молчание повисло над ними, а губы Атердо слегка дрожали, когда он смотрел на алые губы Дефержузуа, подобные лепесткам роз.

– Кажется, ты хотел мне рассказать о своём происхождении, верно? Откуда ты родом?

– Уверен, ты будешь удивлена моим чистосердечным признаниям, и, возможно это отпугнёт тебя от меня, чего я опасаюсь больше всего на свете.

– Не переживай, я готова тебя выслушать. Начинай.

– Что ж, мадам, тогда я скажу всю правду.

Атердо рассказывал юной девушке о своей родословной, пока не дошёл до того момента, что он житель поместья Ястребиное и что он сын того хозяина, который держит учёных ястребов взаперти и иногда отпускает их на волю забавы ради. Сердце бедной девушки забилося чаще, ведь при всём уважении к Атердо она больше всего ненавидела эти дурацкие выходки со стороны отца Атердо. Она держалась и выслушивала его речи, но надолго её не хватило. Пыл ярости зажёгся в ней, и словно взрывной волной она отпустила слова наружу, которые поранили и обожгли парня до глубины души:

– Так это ваших рук проделки? – крикнула она, но не сильно. – Твой отец нарочно напускает на нас своих ястребов, чтобы те по меньшей мере почесали о нас когти, да? Это безумие, и ты должен понимать это.

– Прекрати, Дефержузуа, моего отца трудно убедить в чём-либо, но это также и оправданный поступок.

– Оправданный поступок? Я слышала историю про то, как ястребы спасли вашу семью от дикарей. Но это не значит, что теперь они должны тренироваться на простых и беспомощных людях. Ты должен передать мои слова своему отцу.

– Ты сама можешь передать их ему.

– Что, прости?

Вдруг сухие ветки захрустели, когда они проходили сквозь часть старого леса. Чьи-то жёлтые глаза заблестели среди деревьев, и послышался рык, который напугал не только

девушку, но и сам парень пришёл в ужас от того, что несколько больших волков вышли из чащи леса и, оскалив зубы, медленно приближались к паре.

– Что нам делать, Атердо? – прошептала девушка.

– Я не знаю! – испугался тот, и вместо того чтобы защитить свою спутницу, Атердо взял в рот что-то наподобие свистка и принялся свистеть не переставая. Но волки от этого звука делали только злее, и казалось, что вот-вот они набросятся на свою жертву.

– Перестань, ты их только сильнее злишь!

Но Атердо продолжал свистеть и пятиться назад, оставив Дефержузуа в стороне.

– Атердо! – закричала она.

Вдруг в небе показались огромные крылья, которые заслоняли жёлтую луну над лесом. Раздался крик, похожий на ястребиный, – и волки в ту же секунду наострили свои уши и устремили взгляд вверх. Ещё через одно мгновение один ястреб буквально спикировал над волками и слегка задел одного из троих когтями по шерсти. Рык волков продолжался, но ястребов было больше, и они налётами смогли прогнать хищников обратно в чащу. Девушка стояла, спрятавшись за дерево, а Атердо продолжал свистеть в свисток и дьявольски смеяться над убегающими волками. Когда всё утихло, Атердо подошёл к девушке.

– Не бойся, Дефержузуа, больше волки не вылезут из глубины леса, – подал он ей руку.

– Так это были твои ястребы?

Атердо заранее предостерёг себя от этой напасти и взял с собой в этот дивный поход ястребов, поскольку вой волков он слышал ещё из своего поместья, перед тем как пойти в город. Всё это время птицы кружили над хозяином высоко в облаках и непременно ждали команды и звука, к которому они были приучены. Свисток изобрели ещё сотни лет назад его предки, он был сделан из старых клювов погибших ястребов.

– Да, птицы были моими! Вот видишь, ястребы могут быть весьма полезными в экстренных ситуациях, не так ли? Они приносят не только вред, но иногда и пользу, – улыбнулся парень.

– Что ж, будем считать, что в этот раз птицы спасли нам жизнь! Однако я всё ещё не согласна с твоим отцом, чтобы они налетали на город, – отряхнула Дефержузуа платье, и они пошли дальше.

В деревню они пришли уже затемно, когда даже луна окрасилась в бледный цвет и повисла высоко над миром. Филины кричали в лесу, и странный крик лисы, похожий на крик ребёнка, послышался где-то совсем рядом, на что с опаской обратил внимание Атердо.

– Тебе нечего бояться, с такими-то крылатыми стражниками, – улыбнулась девушка.

– Мне не страшно, – ответил парень, вертя в руках свисток, висевший на шее, как амулет.

– Спасибо, Атердо, за то, что проводил и не позволил стать добычей голодных волков.

Доброй ночи!

– Доброй ночи! – ответил он и развернулся лицом к обратному пути – чёрному лесу и диким крикам, доносящимся оттуда.

Помимо холодного воздуха, парня холодила ужас тёмного леса и страх перед возвращением домой. Вой волков продолжался, но где-то очень далеко, и Атердо стрелой помчался обратно, лишь бы скорее преодолеть лесной участок. Он держал во рту свой свисток и пугался каждого шороха и свисающей ветки на его пути. Спотыкаясь о корни, падая и вставая снова, парень вышел из леса, но нарвался на стаю диких зайцев, которые перебежали ему дорогу. От испуга он засвистел и рванул ещё быстрее, словно шла борьба за медали на соревнованиях. Он бежал до тех пор, пока совсем не выдохся от нехватки кислорода в груди.

Дефержузуа слышала этот свист вдали и лишь тонко улыбнулась, удивляясь его храбрости, но кошунством её улыбку нельзя было назвать, ведь она была точно уверена в том, что Атердо смогут защитить ястребы в случае внезапной угрозы. Закрыв ставни на окнах, Дефержузуа зажгла свечи и, вспоминая начало неожиданного вечера, села в кресло и задремала.

Атердо вернулся домой вместе с птицами довольно-таки поздно, когда отец практически был на грани нервного срыва. Он вошёл в дом весь помятый и в грязи, пласты чернозёма отскакивали от его обуви и марали узорчатый пол во всём зале. Раздался девичий смех с верхнего этажа, и парень поднял голову вверх. Над ним, как над виновником торжества, свисали две сестры, и они снова и снова смеялись над братом – оттого, что он не впервые выставил себя не лучшим образом перед отцом и семьёй в целом. Атердо смог предугадать грядущий скандал, поэтому без сопротивления он поднялся на второй этаж, молча свесив голову.

– Где ты был, Атердо? И зачем выпускал ястребов на волю? – спросил отец.

– Эм, вообще-то, я был на охоте. Смотри сколько зайцев принесли ястребы в поместье, ты видишь, отец? Все мясистые, и шерсть словно шёлк!

– Хорошо! Как обстоят твои дела с французским? – развернулся он в другую сторону. – Ты уже разговариваешь на иностранном языке? Отвечай же.

– Нет, отец, я с трудом выучил лишь несколько слов. Папа, скажи мне, для чего я учу французский язык? Разве нам мало своих лингвистических слов в русском языке, значение которых мы сами разбираем лишь со словарём? Меня тошнит от всего этого. Я хочу быть сильным — как ты! Хочу быть независимым человеком — как ты! Дай же мне право выбирать самому, чего я хочу и когда хочу.

– Атердо прав, государь, – вмешалась мать Атердо, – пора ему перенимать твои некоторые заботы о поместье и народе. Дай ему право быть мужчиной.

– Хм. Что ж, возможно, ты и права, любовь моя! Поговорим об этом завтра, сейчас я устал.

Глаза Атердо загорелись синим пламенем, и кровь забурлила по венам быстрее, обжигая юношеское сердце. Парень обрадовался и кинулся в объятия матери, которая посмела перечить мужу во имя справедливости.

– Спасибо, мама!

– Однажды ты станешь великим правителем города Таулондуф, сын! Но для начала тебе нужно найти подходящую невесту и жену. Семья – это самое главное в грядущих стремлениях к развитию своего будущего.

– Об этом ты можешь не беспокоиться, мама. У меня есть на примете девушка, которая нравится не только мне, но и вы будете в восторге от такой красоты.

Глава 4 Огонь с севера

Ещё одним красивым утром Атердо побежал в деревню с радостной новостью, чтобы поделиться ею с другом Бонумом. Бонум большую часть времени проводил дома, поскольку все полевые работы завершились с наступлением первых холодных дней. Сидя у печи и читая старую, потёртую книгу, он услышал стук в дверь и сразу же подошёл, чтобы взглянуть, кто же явился.

– Привет, дружище! – стоял перед ним Атердо.

– Привет, Атердо! Что за веселье ты принёс мне в этот раз?

– Бонум, сегодня утром отец решил отдать мне половину своих полномочий, представляешь? Я почти хозяин поместья!

– Что ж, поздравляю, Атердо! Надеюсь, ты не будешь похожим на своего отца и не станешь забавляться с птицами в канун праздников и воскресных дней.

– Ты будто бы не рад моей новости.

– Нет, я очень рад, правда, – улыбнулся Бонум. – Огорчает лишь одно – теперь мы с тобой будем видеться ещё реже, ведь так?

– Нам пора взрослеть, Бонум. Отец сказал мне, чтобы я скорее нашёл себе невесту и женился. Пойдёшь сегодня со мной в город, в галантерею Дефержуза? Вчера я чудесно смог провести с ней время.

– Правда? – удивился Бонум. – Ты действительно вчера был там? Был у Дефержуза?

– Я имел честь проводить её до дома, но и без приключений не обошлось: в густой чаще леса на нас напали три здоровенных волка, и я смог защитить девушку, Бонум. Она была удивлена моему мужеству, и сегодня ждёт меня снова.

– Ты должен идти к ней один, друг, – положил он руку на плечо Атердо. – Мне незачем там быть, ведь она сделала свой выбор.

– Спасибо, брат! Она и впрямь очень хороша собой, как ты и описывал. Я без ума от неё!

Разочарованный Бонум так и остался томиться в доме, дабы не мешать влюблённым быть вместе. Думая о своей уступке другу, он почему-то верил, что некая благородность принесёт ему иное счастье, которое развеселит его больное сердце и разгонит весь мрак, нависший над его доброй душой. Вот только по-настоящему дружеский поступок выдавливал из Бонума чувство ненависти. Каждая скорбная минута порождала скорбный час об умирающей любви парня к девушке. Воспоминания о ней изнуляли и жгли его погорячее любого костра или адова пепла, осевшего на грешной коже пребывающего и осознавшего весь смысл бытия, мира и любви. Бонум, словно мученик, мог переживать болевые ощущения, те, которые намного больше телесных ран. Гонимый проклятием о том, что настоящая дружба подобна кислороду, бедный Бонум не хотел и не пытался загрязнить ту дружескую атмосферу вопреки многим недостаткам в друге. Но, как известно нам всем, пути Господни неисповедимы!

Дождавшись вечера, когда Атердо в очередной раз пошёл на встречу с Дефержуза, Бонум, набравшись смелости, также пошёл в город, но иной дорогой. Он никак не мог простить себе влюблённость в её образ, повадки, словно некая сила подталкивала его идти к ней и показать себя снова. Он полюбил её, как полевой цветок любит тёплый летний дождик; он полюбил её, как Господь любит каждого из нас, будь то грешник или праведник, идущий по своей дороге верным путём или нет! Бонум сократил путь, пролезая сквозь колючие кусты и болота. Он единственный знал об этой дороге, которую однажды ему показал его уже покойный отец. В небрежном виде, с поцарапанными руками и лицом он вовремя явился к галантерее, но войти внутрь, увы, ему не позволила совесть. Прохожие, которые проходили мимо него, ужасались и отворачивали лица от мокрого парня, от которого к тому же ещё и неприятно пахло, когда он пробирался через гнилое болото в лесном овраге. Некоторые мужчины стали прогонять юнца,

посчитав его за бродягу, который ворует с прилавка продукты. Кожаными ремнями и деревянными жучинками они пытались выгнать парня из балагана; озлобленные купцы и их жёны били парня, но тот стоял словно вкопанный, будто не чувствуя боли и не видя вокруг себя людей. В тот же момент из галантереи вышли трое: Атердо, Дефержуза и Лилета. Обратив внимание на весь этот шум, Дефержуза разглядела в толпе кричащих Бонума, который, увидев девушку шагнул несколько шагов вперёд, а за ним в спину летели кнуты, плети и тому подобное.

– Хватит! – закричала Дефержуза и бросилась к парню. – Что вы делаете, глупые?

– Этот бродяга стоит здесь уже достаточно долго, мадам! Мы все подумали, что этот бродяга – вор! – сказал один купец.

– Вор! Вор! Бродяга! – закричала толпа безжалостных людей.

– Нет, этот парень не бродяга и не вор! Уходите прочь, – снова закричала Дефержуза.

– Бонум, Бонум, как ты?

– Я принёс тебе цветы, – ответил истекающий кровью парень. – Прости, я...

– Бонум, ты почему в таком виде? – спросил Атердо. – И почему ты здесь? Ты ведь сказал, что не пойдёшь в город.

– Нужно обработать ему раны. Вернёмся в галантерею. Лилета, помоги мне, пожалуйста.

Атердо стоял, глядя на друга, и был разозлён подобной выходкой, ведь он смог сорвать все его планы о признании в любви к Дефержуза. Но обвинять друга при всех он всё же не посмел, дабы не выставить себя грубияном перед девушками.

– Атердо, что ты стоишь? Он же твой лучший друг, – сказала, разозлившись, Лилета.

Придя в себя, Атердо помог довести друга-истомка внутрь галантереи, но там он был недоволен происходящим втройне. Он с ненавистью наблюдал, как Дефержуза ухаживает за парнем, как прикасается к его обнажённому телу и тихо успокаивает его словами. Он в прямом смысле слова переживал каждую минуту и хотел покинуть этот «романтичный госпиталь», но остаться он хотел больше, поэтому пришлось терпеть все медицинские выходы со стороны Дефержуза.

– Долго ещё? – торопил Атердо девушку. – За окном уже сумерки, так мы точно не успеем до темна добраться до дома.

– Атердо, твоему другу нужен сейчас уход и помощь, не смей подгонять её, ясно? Тоже мне, друг, – ухмыльнулась Лилета.

– Со мной всё в порядке, – ответил Бонум. – Раны заживут. Ступайте домой, и я пойду.

– Вот видите? – подскочил Атердо со стула. – Бонум, как ты? Я вижу, как ты идёшь на поправку, дружище, – улыбнулся друг. – Давай я тебе помогу встать?

– Не стоит, Атердо, я в силах сам подняться.

Ещё долго Дефержуза уговаривала Бонума остаться в галантерее до утра, чтобы раны успокоились от боли, но тот упорно отказывался. Поблагодарив Лилету и Дефержуза, парень отправился домой, но уже дорогой, по которой ходят все люди. Букет цветов, что принёс в этот раз Бонум, остался лежать в кресле и дожидаться завтрашнего счастья со стороны хозяйки.

Неожиданный эксцесс, к счастью, закончился благополучно для Бонума и Дефержуза, но не для Атердо, который никак не мог успокоить своё эго. Все его планы рухнули, точнее, он считал, что разрушить их смог Бонум своим непристойным появлением, да ещё в ужасающем виде.

Дефержуза всю дорогу хотела молчать и думать о другом парне – о том, который смог прикоснуться к её сердцу с такой нежностью и заботой, словно садовник касается лепестков молодой розы. Атердо же, в свою очередь, много болтал, разговор девушка пропускала мимо ушей, погружённая в другой мир грёз и наслаждений.

– Этим утром мой отец отдал мне половину своих полномочий, – сказал Атердо. – Ещё немного, и я стану управлять поместьем и городом, Дефержуза. Мы станем известными на весь мир.

– Что ты сказал? Мы?

Атердо в этот момент подловил момент удачи, при котором пора бы признаться девушке в любви и рассказать ей обо всех своих планах. Он резко остановился перед ней, и они вместе замерли на фоне восходящей луны над лесом.

– Я люблю тебя, Дефержузуа! Я влюбился в тебя с первого взгляда, когда вошёл в галантерею в тот день. Тогда ты затронула моё сердце, которое трудно разогреть любовью, но ты единственная, кто смогла это сделать. Все, кто были до тебя, – просто пепел, улетевший в разные стороны света. Я прошу твоей руки и сердца, любовь моя!

– Остановись, Атердо! Полагаю, ты бежишь впереди лошадок, – улыбнулась она. – По правде сказать, я пока не готова стать чьей-то женой, тем более так скоро. Уйми пока что свой пыл признаний или побереги его для девушки, которая достойна быть твоей.

– Но я уже выбрал! Ты достойна всех моих наград, Дефержузуа. Подобной тебе я ещё не видел в наших краях, ты – воплощение красоты и привлекательности. Почему ты так торопишься отклонить моё предложение?

– Потому что я не готова, Атердо! Я не готова лишиться свободы и жить в одном лишь только поместье, понимаешь? Прости, но время ещё не пришло, – отвернулась она в сторону.

– Свобода будет твоим лучшим другом, Дефержузуа. Ты будешь жить в поместье и делать всё, что тебе захочется: прогуливаться по просторам верхом на лошади, плавать на лодке по реке. Всё, что душе угодно, будет в твоём распоряжении.

– Извини, Атердо, мне нужно идти. Спасибо, что проводил. До свидания!

Ни золотом, ни деньгами невозможно было затащить Дефержузуа в объятия нелюбимого для неё человека, тем более в поместье, в котором исходят негативные решения от самого хозяина. Она хотела любить, но хотела самой обыкновенной, искренней любви, простота которой залечивает все душевные и телесные раны; она точно хотела любви, которую не обменять не за одну золотую гору. Рыночные отношения были верно не для неё, поскольку подлинные чувства – не продукт, который лежит на прилавке и ждёт своего покупателя. А Атердо то и дело пытался привлечь девушку богатством своей семьи, нахваливая достояния, не принадлежащие пока что ему самому.

Атердо вернулся в поместье как обычно по темноте, и, пройдя мимо стола, за которым ужинали все, он просквозил, будто ледяной ветерок в открытое окно спальни. Не задержавшись долго, он вернулся с кислым лицом и сел за стол, рассматривая чашку.

– У тебя всё в порядке, Атердо? – спросила его мать.

– Всё могло быть лучше, если б... если б я не предложил ему пойти в город, – еле слышно ответил он.

– О ком ты говоришь, сын мой? Твои загадки нам не разгадать, увы. Ты говорил, что нашёл себе невесту, красоты которой не сыщешь и во всём Таулондуфе. Что ни один художник мира не смог бы описать её и передать все черты в портрете.

– Да, отец, так я и говорил! Но она к тому же ещё крепкий орешек!

– Аха-ха, – рассмеялся отец, – ты выбрал себе пассию не по зубам, верно я говорю?

– Она всё равно станет моей, вот увидите, – встал Атердо из-за стола и ушёл вон.

Он ходил по комнате, а иногда смотрел в открытое окно вдаль, как-будто искал в безмятежной дали способ соблазнить девушку и окончательно влюбить её в себя. Он понял одно: с Бонумом он вряд ли сумеет договориться, ведь друг также был очарован девушкой, а она, в свою очередь, не была равнодушна к нему, и он с уверенностью смог узреть это сегодня вечером. Поэтому он искал что-то посущественнее, чем просто провожать её и рассказывать о себе. Он хотел заставить её, чтобы она сама пришла в поместье, или нечто другое, что могло бы её на это подтолкнуть.

Ненависть к Бонуму и любовь к Дефержузуа – эти чувства не могли рассеяться в голове Атердо с восходом солнца следующего утра. Два противоположных чувства противоборство-

вали в его душе и делали его невыносимым самому же себе. Он должен был немедленно подавить одно из двух ощущений, и гадать ему не пришлось – он выбрал расставание с Бонумом, лучшим другом. Многолетняя дружба теперь ему только мешала на пути к любви, и он окончательно решил с этим покончить. Набравшись смелости, ведь бояться в этот раз ему было нечего, бессовестный Атердо направился к лучшему другу, чтобы переговорить насчёт их любви к одной и той же девушке. Он шёл к Бонуму, будто на врага, с негативными помыслами и речью, которую он раз за разом проговаривал в своей голове. Сшибая на ходу увядающие полевые цветы кожаными сапогами, срезая острой саблей ветви молодых деревьев, он с коварной мимикой лица явился в деревню Лилейный Вал и предстал перед домом Бонума, как будто вызывая его на дуэль. В этот раз он принципиально даже не стал стучать в дверь, чтобы друг вышел, а бездействовал у калитки и дожидался, пока тот сам к нему выйдет.

Бонум вышел, но не один. Следом вышла его матушка, по всей видимости, они собирались пойти в храм. Атердо спрятал саблю в ножны, прикрыл плащом рукоять и крикнул:

– Бонум, я здесь!

– Атердо? Что ты тут делаешь так рано?

– Я хотел поговорить с тобой насчёт Дефержузуа! Мы должны порешать кое-что, друг.

– Полагаю, ты выбрал неудобное время, чтобы переговорить. Сейчас я с матушкой иду в храм.

– Это не займёт и пяти минут, Бонум. Позволь мне высказаться по-дружески, – улыбнулся он.

Бонум шепнул своей матери, чтобы она шла, а сам подошёл к Атердо, глаза которого были налиты кровью, словно принадлежали сатане. Также шлейф алкогольного аромата выдувал из него прохладный сквозняк ветра, и этот резкий запах въедался в обоняние Бонума.

– Я слушаю, Атердо.

– Что ж, Бонум – сын фермера, полагаю мы полюбили с тобой одну девушку, верно? Дефержузуа понравилась тебе, но она также запала и в мою душу. Однажды ты сказал: «Девушка сама вправе выбирать, с кем ей быть». Вот только давай так: мы не будем пересекаться с тобой, когда я с ней хочу побыть наедине. Ты не должен появляться окровавленным и грязным, как ты актёрски сделал это вчера, ладно? Дефержузуа не должна тебя видеть, когда я рядом с ней.

– Ты снова предлагаешь разделить её, как продукт, Атердо, но невозможно заткнуть её сердце и затмить её рассудок лишь только своим присутствием. Она живая и тоже умеет чувствовать, думать и любить понравившегося ей человека. Почему ты всё время норовишь сделать из неё и меня якобы слепых и бесчувственных зверей, которые будут подчиняться лишь твоим указаниям? Прости, Атердо, но я никогда не пойду наперекор своему сердцу, думаю, что и она тоже не пойдёт.

– Это мы ещё посмотрим, брат! – разозлившись, ответил Атердо, вынул саблю из ножен и, развернувшись, удалился, срубая на своём пути кусты и всё, что попадало ему под удар.

Одна любовь на двоих предполагает дуэль! Но вряд ли Атердо смог бы согласиться на это. Вместо того он хитро действовал по определённой схеме, дабы обойти все препятствия и столкновения с другом, который по разуму и по силе был сильнее его, но не богаче. Однажды богатство может сыграть важную роль в жизни каждого человека, поскольку деньги издревле были билетами ко многим вещам, удовольствиям, особенно в стране, где всё покупается и всё продаётся; в чьих мыслях и чувствах важнее любой ценности кружатся золотые монеты или банкноты...

Дефержузуа и Лилета встретились прямо у входа в галантерею. Обе были красивыми, и та красота заключалась не только в одежде, но и в опрятности их красивых лиц, дарованной им с рождения самой природой. Даже непогода этим ранним утром не могла нанести разочарование на их новый и чистый лист продолжительной судьбы, ведь у природы все дни по-своему

прекрасны независимо от времени года. Лёгкий ветерок фланировал по их роскошным причёскам и длинным платьям, и даже сквозь густую завесу тёмных мраморных туч пробивался налитый золотом солнечный луч и падал им под ноги, прямо на брусчатку в отблеске которой сверкали их лакированные башмачки.

– Как тебе спалось после вчерашних недоразумений? – улыбнулась Лилета.

– Спала как убитая! – улыбнулась та в ответ.

– Что, даже никто не нарушил твой покой? Например, тот разодетый Атердо? Прости, но выглядит он в своей одежде, как настоящий павлин.

– Он к тому же ещё и слегка труслив, что сей порок, а особенно в мужчинах, мне дико наблюдать. Он ослеплён лишь жаждой богатства и думает, что золото сможет защитить его от всех бед. Скажу больше – он и меня хочет втянуть в свою магнатную семью, представляешь?

– Правда?

– Да, правда! Вчера он клялся мне в любви, словно рыцарь, но в одежде шута, – рассмеялись они, едва переступив порог галантереи.

Букет уже увядавших цветов, что лежал в кресле, в первую очередь бросился в глаза Дефержузуа, когда она вешала пальто на вешалку. Незамедлительно она подошла и подняла букет, из которого снова выпала маленькая записка. Оглянувшись по сторонам, она развернула её и прочла шёпотом:

Наше знакомство было не случайным.

Встретимся завтра у озера Лебяжье.

Дефержузуа засияла в лице и закружилась в танце, словно маленькая девчонка на балу. Она перемещалась по залу и порхала, подобно осеннему листку под покровительством южного ветра, пока не столкнулась с Лилетой.

– Боже мой, что опять преобразило тебя, милая? Ты сияешь, как капля росы на лепестке полевого цветка.

– Если сегодня снова придёт Атердо и спросит где я – ответь ему, что я занята этим вечером. Не разговаривай с ним обо мне и не говори, куда я ушла. Ты окажешь мне такую услугу, Лилета-конфета?

– Не волнуйся, милая, я – рыба!

Не дожидаясь окончания рабочего дня, Дефержузуа оставила свои обязанности на Лилету, а сама направилась в Лилейный Вал, к Бонуму. Наслаждаясь дорогой и рассматривая травянистые и скалистые холмы, она осмелилась на такой долгий путь, но не учла только одного: неудобная обувь на каблуках натёрла на её нежных ногах мозоли, и последний километр она шла, прихрамывая сразу на обе ноги. До озера Лебяжье оставалось чуть-чуть, поскольку оно было в лесном массиве неподалёку от деревни, куда и держала свой путь девушка.

Озеро Лебяжье славилось тем, что туда каждую осень перед улётом на юг прилетали белые лебеди и оставались там долго, до первых заморозков, отсюда и говорящее название озера. Лебеди, подобно кораблям с парусами, скользили по воде и нередко выходили на берег, чтобы отдохнуть и пощипать травку. Дефержузуа, увидев это овальное озеро, по краям которого росли высокие камыши, а по центру плавали редкостные птицы, восхитилась и замерла от красоты. Расшевелив себя снова, она спустилась к озеру и оглядела всё вокруг. Сняв с себя башмачки и оглядывая пораненные ноги, девушка корчила лицо от боли, но криков не издавала.

– Ты поранилась? – услышала она голос за спиной и слегка вздрогнула. Обернувшись, она увидела позади себя Бонума и сказала:

– Так, ерунда, – махнула она рукой.

– Позволишь взглянуть? – подошёл он ближе и склонился над ней крепким телом.

Бонум прикоснулся к одной её ноге, чтобы рассмотреть рану, в то время как Дефержузуа почувствовала одно из прекраснейших ощущений – мурашки покрыли всё её белое тело, заглушив голос. Парень внимательно оценив ущерб её кожи на ногах и сделал облегчающий вывод:

– Твои раны быстро заживут, Дефержузуа, если к ним приложить молодые листья подорожника. Никуда не уходи, я скоро.

Она провожала его взглядом и терялась в мыслях, в горле у юной девушки внезапно пересохло, ведь она и подумать не могла, что в парне окажется столько много заботы и тепла. Бонум с телом Аполлона наклонялся к траве и снова вставал, выпрямив крепкую спину. Каждый раз, когда он подходил к ней, она переживала странное чувство снова и снова: будто она попала под очарование этого деревенского парня, напоминающего ей полубога.

Медленно он подошёл к ней и наложил траву на раны. Его кудрявые локоны трепал лесной ветерок, играя как будто с другом. Дефержузуа посмела улыбнуться, еле-еле шевельнув устами в тот момент, когда Бонум поднял на неё свой взгляд.

– Теперь твои раны защищены, Дефержузуа!

– Дефер. Зови меня Дефер! – прошептала она.

– Хорошо, Дефер, – улыбнулся он. – Давай руку, хочу тебе показать кое-что.

Её мозоли и впрямь перестали щипать после оказанной медицинской помощи волшебными руками Бонума. Вдоль озера парень повёл девушку к скалистому водопаду, откуда в отблеске солнца в озеро падала чистая горная вода. По тайной тропе они поднялись наверх, откуда простирался невероятный вид вдаль и просматривался низ озера. Шум воды практически заглушал всё, и они говорили слова друг другу на ухо:

– Тут необыкновенно красиво! – сказала она.

– Что? – ответил Бонум, и они вместе засмеялись. Тогда он снова взял девушку за руку, и они спустились к основанию, к тихому озеру с лебедями. Они сели около очень старого дуба в мягкой траве, покрытой жёлтыми опавшими листьями, и принялись любоваться лебедями. Облокотившись спинами о ствол, они держали руку в руке, получая неземные удовольствия от прикосновений.

– Почему – Дефер? – спросил Бонум.

– Так называла меня моя мама! Я ещё никогда никому не позволяла себя так называть после смерти мамы. Ты первый, кому я назвалась спустя три года, – повернулась она к нему.

– Спасибо, Дефер, что доверяешь мне! – сжал он её ладонь крепче. – Жаль, что у меня нет никаких секретов, поэтому я открыт для тебя полностью.

– Ты и есть мой секрет, Бонум! Всю жизнь я искала своего героя в книжках, создавала их сама уже в своих романах, и тут появился ты! – улыбнулась она. – Ты будто вышел из моего воображения, и вот теперь ты передо мной, – положила она свою руку на его грудь.

Тем временем день подходил к концу, а значит, галантерея Дефержузуа в скором времени закроется для посетителей. Под занавес смог появиться только один парень, который с недавних пор стал частым гостем города и, в частности, галантереи. Атердо явился в момент, когда Лилета закрывала двери, чтобы уйти домой.

– А где Дефержузуа? – спросил он и опустил букет роскошных роз.

– Она всего-то просила передать, что сегодня сильно занята. Так что оставь свой роскошный букет себе или подари его кому-то ещё, в городе не мало девушек, – ответила она и, развернувшись, ушла.

В голове ревнивого Атердо сразу же нарисовалась картина: она с ним! Бросив букет в грязь, он поторопился в Лилейный Вал, чтобы скорее отыскать Бонума. Он даже знал, куда нужно идти, ведь он всё детство провёл с другом, играя в окрестностях деревни и даже за её пределами. Разозлившийся парень обошёл все места, кроме последнего. Он ринулся к озеру по

каменистым холмам, сбивая кожу и подошву на сапогах. Подкравшись, он смог узреть парочку, лежавшую в тени под кроной огромного дуба. Там он разглядел Бонума и Дефержуза! Словно волк, он оскалил свои уста и сжимал кулаки до хруста костей. Ярость в глазах перед соперником разжигалась, но сейчас выйти к ним он не осмелился. У него на этот счёт был иной план, который развеселит их и самого Атердо. Обезумевший парень вернулся в своё поместье, утопая в ненависти и любви – к девушке и другу.

Бонум и Дефержуза тогда и подумать не могли, что Атердо смог проследить за ними. Они пребывали в мире своих желаний и наслаждались улыбками друг друга, не думая в тот момент вообще ни о чём ином.

– Иногда мне приходит в голову, что весь мир – ничто, если в нём не будет тебя, Дефер! Я пробыл с тобой так мало, но уже чувствую, как привязан к тебе нитями судьбы. Нежный шёлк обмотал моё сердце, и эта нить тянется из твоей груди. Я чувствую это!

– Как ни странно, но я имею удовольствие ощущать то же, Бонум! Но мне становится от этого немного страшно. Я боюсь, что однажды нас может разделить некое зло, которое окружает и прячется отовсюду, ища удобный момент набросится на нашу добродетель. Этого я боюсь больше всего.

– Ты не должна думать об этом, Дефер! В мире немало добрых людей, в простоте которых таится божественная сила и настоящая, бескорыстная любовь!

– Я заметила это, – улыбнулась она. – Бонум, почему Атердо относится к тебе с презрением? Ведь вы лучшие друзья.

– Атердо был таким всегда. В детстве, когда нам что-то одновременно нравилось – лесная ягода, удочка, или найденный красивый камешек в горах, – то я ему шёл на уступки и отдавал всё, что нравилось и мне. Иначе Атердо обижался, а я не хотел, чтобы он злился на меня из-за сверкающего камешка, которых полно в горах.

– Меня ты тоже ему уступишь?

– То было в детстве, теперь мы взрослые, Дефер, – улыбнулся парень. – При всём моём желании я не отдам тебя ему, если ты сама того не захочешь.

– Прости, но я уже сделала свой выбор!

Первый поцелуй был настолько волнительным для них обоих, что сердца их стучали практически в один ритм. Дефержуза на мгновение позабыла даже и о своей боли в ногах, будто мозоли сами собой затянулись. Искренняя любовь – лучшее лекарство, особенно для тех, кто верит в этот эликсир, как проповедник хочет, чтобы люди верили в Бога. Было невозможно напиться поцелуями, поскольку жажда наступает в процессе приготовления этого коктейля. Отвлечь их от приятного смогли только взмывшие вверх несколько лебедей. Хлопот их крыльев доносился эхом до влюблённых, и после звук растворялся среди веток и стволов деревьев. К тому же сумерки опустились на озеро, не предупреждая никого, они просто обрушились серым цветом на землю и холодом объяли окрестности.

– Как твои ноги? Боль утихла?

– Мне намного лучше, – улыбнулась она.

– Возвращаться в город – расстояние не малое, Дефер, и при всём при том тебе ещё нужно добраться до дома.

– Сегодня я останусь в галантерее. Нет нужды переутомлять себя доброй. Ты проводишь меня?

– С удовольствием, мадам, – поднялся он с травы и подал руки Дефержуза.

Под холодным светом луны и звёзд они шагали, взявшись за руки, по холмам и оврагам. Для двух влюблённых не было преград ни перед мраком, окутавшим дорогу впереди себя; они не боялись и воя волков, что доносился из соседнего леса за протекающим ручьём. Мысли о хорошем заглушали устрашающие звуки, а любовь рассеивала перед ними благодатный свет, который, ко всему вдобавок, и согревал идущих вперёд парня и девушку.

Добро порождает добро! Но что случается, когда добро неожиданно становится подвластно злым деяниям? Желание и дикая охота со стороны суровой личности приобретает без опаски законопослушного служителя для собственных утех. Не милая реальность, уготованная для героев, которые вопреки своим нравам приобретают неожиданное страдание на долгие дни.

Самовлюблённый, корыстный и ко всему вдобавок ревнивый Атердо, чтобы завладеть сердцем Дефержузуа, как доверием исполнительных слуг, придумывает план, чтобы та навсегда стала его женой, хозяйкой и в конце концов – рабыней поместья Ястребиное. На другой день он снова пошёл в галантерею, но уже на несколько часов раньше, чтобы застать милую леди врасплох и опять попытаться сделать ей предложение выйти за него замуж. И пошёл в город не один! В небе, словно крылатые стражники с копьями и острым зрением, сопровождали парня его пернатые друзья. Они кружили высоко и по кругу, заодно выискивая для себя какую-нибудь жертву – кролика, утку или другую подобную дичь. Их крик доносился задолго до города, и местные жители в страхе насторожились, не спуская взора с неба. Кто-то закрывал ставни на окнах, другие загоняли скот и другую живность; прятали детей по домам и вооружались всем, что попадёт под руку. Но хозяин был рядом, поэтому ястребы так и оставались кружить в облаках и кричать. Без определённой команды они не нападали ни на кого, поэтому в этот раз они были безопасны для любой живности.

Атердо буквально ворвался в галантерею и немало напугал Лилету и нескольких посетителей. Он жадным взглядом бороздил по залу, но хозяйку не находил. Истерика закипала внутри него и наливалась кровью глаза. Обманутый судьбой парень, хотевший налегке заслужить любовь и доверие редкой девушки, снова переживает разочарование от отсутствия Дефержузуа в домике. Переведя взгляд на помощницу, он спросил:

– Её снова нету? Лилета, куда подевалась Дефержузуа? Отвечай же.

Напуганные клиенты (в основном юные девушки) сгучковались и забились в один угол, словно пингвины, увидев озлобленного парня, в лице которого они узнали жителя огромного поместья.

– Она неважно себя чувствует этим утром, Атердо! Будет лучше, если ты покинешь галантерею и перестанешь пугать всех нас своим бешеным поведением.

Атердо, оглядев ещё раз всё кругом, направился в Лилейный Вал, к озеру, где сейчас в этот момент гуляли Бонум и Дефержузуа!

– Ты когда-нибудь бывала в тех горах, Дефер? Говорят, там необычайно красиво...

– И опасно, – перебила она его. – Из разговоров многих людей я слышала, что мой отец был убит племенем, живущих в тех горах. Мама не верила в его погибель, и я тоже не верю. Но найти так и не смогла. Однажды мне довелось там быть, Бонум, и я лицезрела всю красоту, созданную там природой, – улыбнулась она.

– Когда-нибудь мы побываем там снова и изведем каждый уголок того маленького мира. Я соберу для тебя самые красивые цветы в том месте, аромат которых сводит с ума и пьянит рассудок, как вино.

– Впечатляет!

– Мы сможем найти твоего отца, Дефер, раз ты веришь в то, что он жив. Ты же веришь, правда?

– Мой отец жив, и мы найдём его, – обняла она его.

Они сели прямо на берегу озера и стали кормить лебедей зёрнами кукурузы и цветками медоносного клевера. Лебеди не боялись их и подплывали всё ближе и ближе. Из десятка других птиц к ним даже подплыла лебедь-мама со своими маленькими лебедятами, позади которых плыл и самец-папа. Бонум стал кидать клевер в сторону маленьких лебедят, которые с удовольствием принялись клевать сладкие листочки. Внезапно над головами молодой пары и

над всем лесом послышался крик, похожий на ястребиный. Лебеди в момент насторожились и сбились в кучу, защищая молодое потомство.

– Что это, Бонум? – спросила Дефержузуа.

– По всей видимости, ястребы! Атердо... – прошептал Бонум.

Атердо сидел неподалёку и, решив развлечь влюблённую пару кровавым выступлением, натравил ястребов на лебедей. Знакомый свист послышался из чащи леса, и ястребы острыми стрелами полетели вниз, вонзаясь когтями в лебедей. Крик белоснежных бедняжек раздавался тонкими звуками, напоминающими крик младенца. Полетел пух, и капли крови разбрызгивались по воде и по белым перьям птиц. Ястребы били строго в голову, убивая красоту наповал, и так до поры, пока не добрались до маленьких лебедей.

– Бонум, что нам делать? – кричала Дефержузуа. – Мы должны помочь им. Спаси их.

Безжалостные ястребы-убийцы продолжали своё напутствие, но Бонум, взяв в руки большую ветвь, принялся защищать лебедей. Он спустился к озеру и поплыл спасать редких птиц. Дефержузуа бросала в ястребов прибрежные камни, но попасть в них было трудно, ведь расстояние далёкое. Атердо сидел и громко смеялся над происходящим, глядя на своего плавающего друга, его только сильнее разбирал истерический хохот. Лишь через несколько минут на помощь лебедям откуда ни возьмись прилетели орлы и вступили в схватку с ястребами. Атердо, конечно же, испугался и отозвал ястребов, чтобы избежать их гибели. Испугавшись вернуться в поместье без птиц, он к тому же рисковал своей едва приобретённой репутацией. В панике он покинул кровавое озеро и побежал домой, а следом высоко в небесах за ним следовали ястребы, насытившись кровавой битвой с беспомощными лебедями.

Бонум приплыл обратно на берег к Дефержузуа, которая ревела над погибшими лебедями.

– Успокойся, Дефер, ястребы улетели. Оставшимся лебедям больше ничего не угрожает, – прижал он её к себе.

К берегу, где они сидели, волнами прибывалась окровавленная вода с белым пухом погибших лебедей. Лишь орлы так и оставались кружить над озером и кричать жалобным криком по гибели белоснежных птиц, но ещё через некоторое время они улетели в сторону высоких гор на севере, и наступила тишина. Другие лебеди также поднялись в небо и улетели в неизвестном направлении, оставив других таких же в чистом озере.

– Эти ястребы были с поместья, да? – не успокаивалась Дефержузуа.

– Я не знаю! Но думаю, что это проделки Атердо. Идём, я провожу тебя, а заодно и поговорю с другом.

Бонум и Дефержузуа вернулись в галантерею, где ждала их Лилета, сидя за прилавком. День подходил к концу, и клиенты заходили редко, когда и сам балаган закрывался до следующего дня. Она увидела, что хозяйка сильно расстроена, и скорее встала со стула, чтобы встретить её. К тому же, вид у Дефержузуа был помятым, впрочем, как и у самого Бонума.

– Что с вами случилось? Дефержузуа, на тебе лица нет, Боже...

– Скажи, Лилета, сегодня в галантерею заходил Атердо? – спросил Бонум.

– Да, заходил. Я сказала ему, что Дефержузуа неважно себя чувствует и не явилась на работу. А что произошло?

Они рассказали Лилете все подробности о случившемся: про лебедей, и про налетевших ястребов, и вставших на защиту белых птиц орлов! Для Лилеты их история показалось эпизодом о проделках самого дьявола, но только никакого дьявола не было, всем этим ужасом управлял кто-то из поместья Ястребиное, но кто это был – оставалось пока что загадкой для всех них.

От перенесённого стресса Дефержузуа решила остаться в галантерее, и конечно же, она не могла не предложить Бонуму остаться с ней. На что Бонум согласился, но для начала он хотел пойти в поместье и уточнить у друга про его птиц.

– Бонум, давай ты не пойдёшь в поместье? Всё равно тебя там никто не выслушает, ведь кто мы такие – люди не заслужившие право разговаривать с такими, как они! Люди в том поместье высокомерны и являют себя перед нами богами.

– Не останавливай меня, Дефер, я всё равно пойду! Дождись меня, – сказал он и вышел из галантереи.

Бонум явился к поместью уже с наступлением сумерек и стал выискивать около высокого каменного забора хоть кого-то, кто бы смог кликнуть Атердо. Не дождавшись никого, он принялся кричать его имя. Бонум кричал до поры, пока хрипота в его горле не сковала голосовые связки, отчего парень на некоторое время потерял дар громко выкрикивать. И всё же, хоть Атердо и успел раскиснуть от усталости, на его голос вышел лакей с собакой и осмотрел с ног до головы изнемождённого юношу.

– Кто ты такой и что тут делаешь? – прохрипел уже немолодой лакей. – Отвечай, иначе будешь беседовать с хозяином.

– Я друг Атердо! Вы могли бы стать добрей и заслужить право помогать нуждающимся в помощи, если б услышали меня, господин. Прошу вас, позовите сюда Атердо, скажите ему, что пришёл друг.

Лакей больше прикидывался злым человеком, но на самом деле душа его была добра. Сперва он сделал вид, что не в праве исполнять волю нищих прихожан, но после, сжалившись, он снова прохрипел:

– Жди здесь!

Пока лакей доковылял до основного дома, где была вся семья, пока он отыскивал Атердо, который сидел на крыше и пытался отмыть кровавые когти ястребов, за окном окончательно стемнело и зажглись звёзды под тонким слоем облаков. Уставший и хромой лакей бегал по всему поместью, пока две сестры – Линтьера и Лантнора – не выдали Атердо.

– Он наверху! Наверняка снова общается со своими курицами, – захохотали те.

И лакей полез по ступеням под самую крышу, бухтя на ходу и клича Атердо от усталости:

– Атердо! Атердо, ты тут?

– Что опять случилось? – показался на самом верху парень.

– У ворот тебя ждёт парень. Он представился твоим другом и хочет тебя видеть.

– Спасибо, я услышал, – ответил с ненавистью парень.

Без спешки Атердо спустился с крыши и так же не торопясь пошёл к воротам, чтобы поговорить с Бонумом. Прохладный воздух сковывал все движения Атердо, и он, сгорбившись, явился перед другом. Он наблюдал перед собой всего мокрого парня и дрожащего от холода, губы его уже покрывались синим оттенком, и зубы клацали, словно музыкальный инструмент. Сам же Атердо стоял перед другом в тёплой одежде и длинном плаще, и ему не было так ужасно холодно, как Бонуму в мокрой одежде. Дабы проявить дружескую заботу, Атердо предложил другу свой плащ, но Бонум уверенно отказался, сделав понятный жест рукой.

– Ответь, Атердо, ты сегодня был на озере Лебязье? Ты отпускал ястребов на волю? Только, пожалуйста, ответь по-дружески правду?

– О чём ты, Бонум? Все ястребы сидят по клеткам, и ни о каком озере я не знаю. В послеобеденное время я ходил в город в галантерею, к Дефержуза, но её помощница сказала мне, что её сегодня нет на работе. Вот и всё! Может, ты мне расскажешь, что случилось?

– Некие ястребы налетели сегодня на стаю лебедей и убили половину прямо на воде, вот я и подумал сразу про тебя.

– То есть ты считаешь, что если где-то налетели ястребы и устроили переполох, значит в том виноват я или мои ястребы, верно, Бонум? Ты обвиняешь сейчас меня, своего лучшего друга?

– Прости, я не утверждаю, лишь предполагал, и только. Поэтому я пришёл к тебе, Атердо, чтобы уточнить, – всё больше и больше замерзал бедный Бонум.

– Что ж, тогда и ты скажи мне правду, раз уж ты здесь. Дефержуза была сегодня с тобой?

– Да! Мы были с ней на озере в тот несчастный момент. Атердо, она...

– Что она?.. Что она?

– Ничего. Ладно, я пойду. Увидимся, Атердо.

Атердо подозревал, что девушка по большей мере была влюблена в простолюдина, нежели в богатого наследника, но и на этот счёт у него был верный план заманить девушку в своё поместье.

Ночью, когда Бонум проводил время в галантерее с Дефержуза, его пробирал неистовый озноб, который говорил о том, что парень заболел. Температура резко поднялась в его теле, и юношей овладел жар! Дефержуза знала, как сбить температуру особыми травами, которые были у неё в запасе, перешедшие к ней от родителей. Волшебство тех трав в момент излечило Бонума, и жар мгновенно отступил. Через пару часов Бонум чувствовал себя намного лучше.

– Прости, что навлек на тебя столько суеты и заботы, Дефер. Теперь я тебе должен жизнью.

– Не говори глупостей, Бонум, – улыбнулась она. – От простуды ещё никто не умирал, – поцеловала она его.

Едва он прикрыл глаза, как рассвет постучался в незашторенные окна галантереи. Бонум привык вставать с рассветом, и ничто не могло его заставить нарушить свой распорядок дня и в этот раз. Излечившись от простуды, он чувствовал себя в хорошем настроении и здоровом теле и уме. Он смотрел и наслаждался крепким сном девушки, и, поцеловав её, еле прикоснувшись к ланитам, покинул галантерею ненадолго, но после вернулся и положил в открытое окно очередной букет полевых цветов с запиской внутри.

Дефержуза впервые проснулась так поздно от шума людей, которые бегали под окнами галантереи. Аромат, который напоминал ей утреннее и ещё в каплях росы поле, расплылся по комнате свежестью и теплотой от восходящего солнца. Где-то в прихожей уже во всю работала пришедшая и преображённая Лилета. Этим утром она смогла удивить и порадовать свою хозяйку не только улыбкой, но и новой внешностью. И это не одна новость, которой была рада Дефержуза. Сегодня из соседнего города приехала ещё одна помощница Дефержуза – Длента! Длента уезжала из Таулондуфа по причине своей матери, которой нужен был необходимый уход ввиду того, что она по случайности сломала ногу, когда пасла стадо овец в каменистой местности.

– Бог ты мой, неужели ты вернулась, – обрадовалась Дефержуза и обняла Дленту. – Я уже ненароком подумала, что ты не вернёшься к нам, но ты... – продолжала она её купать в объятиях.

– У меня и в мыслях не было бросать вас, таких хороших и любимых мной с давних пор. Лучше расскажите, что у вас нового.

Девчонки рассказали Дленте о происходящих событиях, а именно про двух друзей, которые зашли к ним случайно во время ярмарки и теперь не дают прохода хозяйке галантереи, то есть Дефержуза! Но и сама хозяйка не прочь была позволить себе влюбиться в одного из друзей. Точнее, она рассказала, что они оба хороши и годятся для отношений, но выбор её сердца пал на самого обычного паренька, статус которого не велик, а точнее совсем не велик, но сердцу не прикажешь, – рассказывала Дефержуза.

– Дефержуза, смотри, тут снова букет цветов, – сказала Лилета перед тем, как открыть галантерею для посетителей. – Внутри записка.

– Это Бонум, – улыбнулась Дефержуза. Она прочла записку настолько бегло, что ответила мгновенно: – Снова зовёт меня погулять. Девочки, я хочу попросить о подмене. Лилета, обязанности оставляю за тобой. Длента, остаёшься помогать Лилете.

– Не переживай, Дефержуза, а главное – не скучай там, – ответила Лилета, улыбнувшись.

– Вы обе остаётесь моими любимицами.

Дефержузуа собиралась и думала только о нём! Она уходила так быстро, что позабыла напомнить Лилете об Атердо, который наверняка тоже должен был прийти, чтобы увидеть её сегодня. Но возвращаться было уже поздно, поскольку она отошла от города достаточно далеко, чтобы тратить время на подобную суету. Она надеялась на Лилету и была точно уверена, что та её прикроет в любой ситуации.

Дефержузуа всегда испытывала чувство тревоги перед тем, как увидеть Бонума. Понятное дело, ведь она хотела понравиться ему в любом состоянии, даже в таком, от которого ей было не по себе во вчерашнем дне пребывания на озере. Вторая причина её скованности – это непреодолимая любовь. Любовь, которую нелегко впитать в себя столь быстротечно, как это бывает у простых и эмоциональных пар, когда чувства их в миг переплетаются, и они становятся одержимы друг другом, но лишь на некоторое время. Настоящая любовь требует долгого взбирания на непреодолимый Парнас, где ждут влюблённых все чувства, наделённые крыльями. Тревога отступала сразу же после того, как они встречались и приветствовали друг друга улыбками.

В этот раз Бонум решил показать Дефержузуа новые места природы, от которых девушка пришла бы в восторг. Он решил сводить её в своё любимое место, где он часто проводил время в последние дни после того, как стал реже видеться с другом. Вблизи гор, к которым боялись подходить местные жители, росла неизвестная трава, что была выше роста человеческого. Она также была мягкой, как шёлк, и извивалась на ветру, словно лоно воды морской.

– Ты когда-нибудь была ниже травы, Дефер? Это необыкновенное чувство. Идём, – взял он её за руку и повёл прямо сквозь высокую траву.

Дойдя до середины, они легли в эту густоту и мягкость, и даже прохладный ветер не мог касаться их тел. Перед ними во всей красе простиралось огромное небо, и колышущаяся трава уносила их сознание высоко к облакам.

– Я чувствую невероятный прилив энергии, Бонум. Я... я не могу передать это словами, – была в восторге девушка.

– Закрой глаза, Дефер, и вслушайся в это звучание. Шёпот трав, каждая травинка говорит о нас с тобой.

Они лежали, взявшись за руки, и им казалось, что время может ждать! Они ощущали одно и то же, и эти чувства не хотели покидать их. Трава волновалась около высоких гор и радовала души тех, кто наслаждался приходом в то место, а где-то вдали от гор и травы надвигалось бесовское развлечение прямо в городе Таулондуф...

В очередной раз разочаровавшись из-за отсутствия хозяйки в галантереи, Атердо вспыхнул огнём неистовой ненависти и решил сотворить необратимое. «Ну, теперь тебе не придётся никуда уходить», – думал про себя, разозлившись, парень. Атердо вернулся в поместье, выпустил ястребов и нагнал стаю озлобленных птиц прямо на галантерею и весь балаган. Птицы налетели, когда в галантерее уже никого не было, но это не помешало им устроить беду. Они атаковали любого, кого видели на своём пути, и просто впивались когтями в тело и клевали безжалостно свою жертву. Другие люди выходили и пытались защитить подобных себе, но осознали, какое наказание может быть, если они убьют хоть одну птицу. Поэтому они затаскивали раненых по домам и укрывались под крышей, пока птицы не улетят из города. Внезапным и случайным образом один ястреб задел крылом факел, что горел у домика кузнеца, который стоял по соседству с галантереей, и факел упал, и загорелась сначала кузня, а после огонь перекинулся на галантерею. Испугавшись огня, птицы разлетелись, а вот люди выбежали тушить пожар. Жившая неподалёку Лилета кинулась спасать вещи, которые были внутри галантереи. Она вытаскивала мебель до тех пор, пока не попала в столб ядовитого дыма и не потеряла сознание прямо внутри горящей галантереи. Кузнец тогда спасал свою кузницу, но и не мог не обратить внимания на то, что девушка долго не выходила из горящего дома.

В тот момент Бонум и Дефержузуа возвращались обратно в город и заметили над Таулондуфом большой столб дыма, который разволновал в первую очередь девушку.

– Бонум, почему над городом столько много дыма?

– Я не знаю, Дефер! Идём скорее, – взял он её за руку, и они побежали в охваченный дымом город.

Уже окончательно приблизившись к балагану, Дефержузуа увидела, что горит её галантерея. Она кинулась к ней, отделившись от Бонума, словно листочек от ветки. Много людей с вёдрами и водой пытались тушить галантерею и маленькую кузню, но огонь практически уничтожил всё до основания. Тогда она увидела и лежавшую на земле Лилету, над которой склонился измазанный сажей кузнец. Она бросилась к ней в надежде, что та ещё жива.

– Скажите мне, что она жива! Она ведь жива, правда?

Но кузнец со строгим лицом ответил:

– Я сделал всё, что было в моих силах, мадам! Я заметил её слишком поздно.

– Нет! Я не верю! Лилета! Лилета! – кричала над бранным телом Дефержузуа и проливала горькие слёзы.

Тем временем огонь дожирал деревянные постройки и уже не имел такой силы, чтобы перекинуться на другие строения. Люди залили вокруг всё водой, но, к несчастью, не смогли спасти ни галантерею, ни кузницу.

– Она спасала мебель, мадам, – сказал поникший кузнец.

Когда всё утихло, когда Дефержузуа осталась без любимой галантереи, без любимой подруги, кто-то доложил в поместье о случившемся пожаре и гибели человека. В этот же вечер с севера прискакали на своих атласных лошадях наместники и принялись выяснять, что могло спровоцировать огонь. Кто-то утверждал, что огонь начался с галантереи, а кто-то говорил, что с кузни. Но лишь один-единственный человек твёрдо сказал, не побоявшись, что до пожара в город налетели ястребы, и это из-за них возникло возгорание домов.

– Кто ты такой, что осмелился обвинить моих птиц? – сказал хозяин Ястребиного.

– Я только сказал, что был налёт ястребов, которые изранили людей, и это из-за них возник огонь, – ответил дворянин. – Я не утверждаю, что это были именно ваши птицы.

– То-то же! Однако огонь разрушил постройки и унёс жизнь человека. Человека, который работал в галантерее Дефержузуа! Почему она стала выносить мебель? Быть может, это из-за неё здесь всё сгорело?

– Как вы смеете такое говорить, вы... – возразила, будучи в гневе, Дефержузуа.

– А вот и сама хозяйка, – сказал наместник. – Та девушка, лежащая на земле, работала на вас, верно? Значит, вы в ответе за неё, Дефержузуа! Вас ведь так зовут?

– Да, она работала вместе со мной, и я возложила на неё свои обязанности в отсутствие меня. Но галантерея загорелась в нерабочее время, господин. Кто-то поджёт её.

– Я видел стаю орлов, которые летели со стороны северных гор, отец, – сказал Атердо. – Возможно, это орлы налетели на город, а не ястребы.

– Хм. Орлы, значит? Дикое племя никогда не выпускали своих орлов на город, это впервые. Что ж, решено! Слушайте меня внимательно, Дефержузуа. Чтобы загладить свою вину и не прослыть узницей сырой темницы, отныне вы будете работать гувернанткой в моём поместье. Однако, если откажетесь – и холодная темница покажется вам адом!

– Что? Нет, вы не можете так поступить. Я люблю свободу, а вы хотите сделать меня, как вы выразились, «узницей» вашего поместья. Я не смогу так жить.

– Вы смеете отказываться? Лакеи, схватить её и заточить в темнице.

На защиту Дефержузуа встал Бонум, вооружившись дубиной.

– Только посмейте тронуть её, я убью каждого, кто приблизится к девушке хоть на шаг.

– Лучники, отправьте этого смутьяна в рай для нищих! – разозлился хозяин поместья.

– Отец, подожди, не отдавай приказ, – вступился Атердо и слез с коня. – Дай мне шанс уговорить Бонума передумать.

Атердо подошёл к Бонуму и стал уговаривать его, чтобы тот отпустил девушку, и тогда он останется в живых. Но Бонум не боялся смерти и стоял строго на своём, закрыв девушку спиной.

– Не совершай глупости, или отец и впрямь отдаст приказ.

– Значит, так ты поступаешь с друзьями, Атердо? Ты позволишь своему отцу убить меня?

– Я бы сделал это ещё минуту назад, если б моя воля была таковой, Бонум. Пусти девушку, ты достаточно наигрался в любовь.

Лакеи набросились на парня и стали избивать его, но Дефержузуа согласилась пойти в поместье, только чтоб лакеи не били больше Бонума.

– Дефер, не делай этого! Ты не должна служить им, – кричал прижатый к земле Бонум.

– Прости меня, прости, Бонум, – ревела девушка и закрывала глаза от стыда и боли. – Я не хочу, чтобы тебе причиняли столько боли. Прости меня, Бонум! Но прежде чем я уеду с вами, – продолжала она, – я должна должным образом похоронить Лилету.

– Не переживай, вам в этом помогут! – ответил хозяин поместья. – Но эту ночь вы встретите в Ястребином.

Другие лакеи схватили девушку и посадили в карету. Атердо, ехидно улыбнувшись, взобрался на коня и подъехал к карете.

– Езжай в поместье, – сказал он кучеру, и тот покорно дёрнул лошадей и увёз девушку. – Прости, Бонум, но такова суть жизни! Сильные должны оставаться сильными.

– Если твоя сила заключается в богатстве и предательстве, это не сила, друг мой, а порок самого настоящего труса. Не пытайся утаить, Атердо, я знаю, что это твоих рук дела. Ястребы с вашего поместья были здесь. Да простит тебя Господь...

– Тебе всё равно не поверят, ибо кто ты таков, Бонум? Сын фермера! Прощай, друг!

Они уехали, а вокруг осталось несколько людей, которые пытались жалеть Бонума и предлагать ему свою помощь в доказательстве того, что это ястребы, а не орлы налетели на город. Но Бонум отказался от этого, поскольку он понимал, что если мирные люди пойдут против поместья – им точно уж не поздоровится.

Узнав о пожаре, в город явилась Длента, подруга Лилеты и Дефержузуа. Увидев мёртвую подругу, она бросилась к телу и стала кричать диким плачем. Дым и пепел оседал на них и на весь город, а слезам не было предела. Бонум не посмел оставить Лилету и дальше лежать на земле, он поднял её и отнёс девушку к её матери. Было невероятно трудно объяснить, почему её дочь не жива, но местные жители подтвердили, что девушка погибла во время пожара. Жители города Таулондуф назвали это несчастье «огонь с севера».

Глава 5 Третий лишний

Девушку увозили в поместье, но она до конца не верила, что теперь у неё нет ни галантереи, ни подруг, и она не уверена была даже в том, что и с Бонумом она когда-нибудь теперь увидится. Её ждал строгий режим, навязанная любовь и светская жизнь в кругу аристократов и магнатов. А самое страшное – это воспитание и обучение их едва сдержанных детей, которые вели себя прилично только в присутствии своих отцов или матерей. Гувернанток они не любили больше всего на свете и ставили их на нижний ярус своего видения, и немало издевались над бедными девушками, которые пытались научить богатых выродков хорошим манерам.

Весь вечер Атердо пытался ухаживать за Дефержузуа и вызвался сам показать ей все владения, а именно комнаты, кухни и всё, что было внутри. Он бегал за ней, как маленький щеночек, пытаясь понравиться ей и угодить в каждом своём шаге. Этот нелепый момент заметил его отец и строго возмутился по такому поводу:

– Атердо, не поверю, что ты сам вызвался находиться рядом с этой девушкой! Разве это не обязанности прислуги?

– Прости, отец, я всего лишь хочу показать ей, куда не стоит соваться без разрешения. Ведь служанки не объяснят ей этого.

– Что ж, ясно! Покажите ей всё! А главное, познакомьте девушку с детьми.

– Долго ты будешь водить меня по этим пещерам? Я устала, Атердо, и хочу отдохнуть, – сказала Дефержузуа.

– Пещерам? Думал, тебе нравятся эти залы, – ухмыльнулся тот.

– Прости, но я не привыкла находиться в таких жутких условиях! Отведи уже меня скорее к своим людям, и пусть они опозорят меня и моё происхождение как можно побыстрее.

– Зачем ты так говоришь, Дефержузуа? Твоей красоте может позавидовать каждая в этом доме. Нет блеска без солнечных лучей даже на слитке золота. Ты и есть тот лучик, Дефержузуа, которым я восхищаюсь, который делает этот мир ярче.

– Не лъсти себе, Атердо! Ты двуличен и не воспитан должным образом, как наверняка хотели бы воспитать тебя твои родители. Ты эгоистичен и чересчур самонадеян. Оставь меня, я устала.

– Ладно. Кólси, иди сюда, – крикнул Атердо, и в комнату вошла молодая девушка. – Знакомься, это Колси, отныне твоя прислуга. Исполнит любую твою просьбу. Увидимся за ужином, Дефержузуа.

Атердо покинул комнату, и на душу Дефержузуа сразу же пало минутное облегчение. Она села на кровать и заревела, вспоминая погибшую Лилету. Она понимала, что на похороны её уже не отпустят из этого поместья, и ей оставалось только оплакивать душу покойной Лилеты, которая была для неё больше, чем просто помощница, и ещё больше, чем подруга.

– Что с вами, госпожа? – склонилась над ней Колси. – Хотите, я принесу вам воды?

– Нет, – вытирала она слёзы. – Колси!

– Да, моя госпожа.

– Будь так добра, не называй меня госпожой, ладно? Я не госпожа этого поместья.

– Но господин требует, чтобы мы все следовали манерам обращения друг к другу, иначе я не хочу быть снова наказанной, – опустила Колси голову ниц.

– Хорошо, тогда в присутствии нас двоих зови меня Дефержузуа! Это моё имя. И даже не думай обращаться со мной «на вы».

– Как тебе угодно, – улыбнулась Колси и присела рядом с новенькой гувернанткой. – Если тебе что-то понадобится – я буду в соседней комнате, – немного посидев, ответила Колси.

Дефержузуа чувствовала себя взаперти, словно птичка, которую посадили в клетку забавы ради. Она никак не могла найти в этом доме покоя и равновесия своих мыслей: её рас-

судок мутным туманом холодил душу, и странное будущее, которое ждало девушку впереди, насильовало её сознание. Воздух сковывал дыхание, а глаза покрывались словно тонкой плёнкой навевающих слёз, лишая нормального зрения молодую и здоровую Дефержузу. Большое и, на первый взгляд, романтическое поместье, цветами и садами объято; с неповторимым интерьером внутри и уникальным шармом; старинные картины художников: Франсиско Антолинеса, Рубенса и Ван Дейка, Гурия Никитина, Салтанова, Ушакова украшали все стены каждой комнаты. Но во всём этом, Дефержуза не видела свободы, потому что настоящая свобода гуляет с ветром по просторам и за пределами подобных поместий и особняков. Всё ей было не мило, и всё она воспринимала с отвержением даже, когда смотрела на золотые вазы, в которых цвели неизвестные ей белые бутоны цветов. Она подходила к окну, раскрывала шторы, но видела в стекле лишь отражение своего грустного лица и танцующий огонёк свечи, стоявшей на столике позади её спины. Звёзд практически было не разглядеть из-за множества строений и крыш, что закрывали небосвод своими грубыми мозаиками и удлинёнными козырьками, которые покрывали основную площадь дома. Утомлённая всей этой позолоченной и серебряной атрибутикой в отблеске мутной луны, девушка легла на диван и прикрыла глаза. Десять минут сна показались ей такими долгими, что просыпаться было так тяжело, но прислуга настаивала на её подъёме.

– Дефержуза, просыпайся, скоро нужно идти на ужин. Ты должна переодеться, – сказала Колси.

– Переодеться? Во что? – удивилась девушка.

– Вот в это!

Дефержуза привстала и повернула голову ко входу. Она смотрела на то необыкновенное платье с презрением, потому что не хотела надевать одежду, предложенную ими.

– Прости, Колси, я не хочу надевать то платье, какое бы красивое оно ни висело на вешалках. Мне нравится моё платье.

– Дефержуза, пожалуйста, ты должна надеть платье, иначе меня снова отправят стеречь овец, потому что я не справляюсь с обязанностями прислуги.

– Теперь я должна подовать их нравам, а ты будешь говорить мне как, да, Колси?

– Из твоих уст звучит это несколько неодобрительно, но в целом – да! Прости, Дефержуза, но я лучше уж стану приносить тебе платья и тапочки, чем опять окажусь среди... Ты должна понять, милая Дефержуза.

Даже одежда должна была соответствовать тому или другому мероприятию, включая даже ужины, завтраки и обеды.

– Надеюсь, когда я захочу в дамскую комнату, мне не нужно будет переодеваться, – возмутилась Дефержуза, поправляя на себе вечернее платье.

– В этом нет необходимости, – засмеялась Колси.

Когда они вышли из комнаты, то стены и залы в этом поместье играли уже другими красками, а где-то впереди слышалась мелодия, напоминающая Дефержузу лёгкую меланхолию. По пути в зал им попадались на глаза мужья со своими покорными жёнами. Одежда на них переливалась, словно эти люди были оловянными фигурами, но это только на первый взгляд.

– Колси, почему здесь столько много людей? У них сегодня состоится бал?

– Нет же, Дефержуза. Сегодня они пригласили богачей из соседних поместий, ведь насколько мне известно, сегодня день рождения возлюбленной самого господина.

– Ты говоришь про маму Атердо?

– Мамой её даже сам дьявол не назвал бы, прости меня Господи. Она до безумия скверна в своём характере и не ценит окружающих, особенно тех, кто ниже её по статусу. Она, словно змея, осматривает каждого и каждую, подобно жертве, а после набрасывается со своими вопросами и пускает медленно яд в твою кровь. Если тебе доведётся повстречаться с ней – не смотри на неё, и она не обратит на тебя внимания. Да, и ещё, они практически все помешаны на изу-

чении французского языка. Порой мне кажется, что я живу в маленькой Франции, оказавшись здесь, с ними всеми.

– Что ж, теперь я буду крайне аккуратна со змеями и фальшивыми французами, – улыбнулась Дефержуза.

Спустившись с верхнего этажа, они уже были в центре зала и сразу же попали во внимание остальных дам. Они хихикали, спрятав свои ехидные улыбки за белыми перчатками или уткнувшись в плечо своего спутника. Но все они были сильно удивлены её природной красоте! Осматривая девушку с ног до головы, их улыбочивые гримасы сменялись серьёзными лицами и восторгами от увиденного. Станные шёпоты и громкие разговоры доносились до Дефержузы завистливыми высказываниями, и каждая хотела узнать, откуда в этом поместье появилась такая соперница, особенно для незамужних дамочек.

– Мне не нравится здесь находиться, Колси! – сказала Дефержуза. – Кажется, что каждый уголок в этом доме смертельно ядовит.

– Не пытайся уходить, Дефержуза. Скоро все странные чувства пройдут, верь мне.

Она как будто попала в богемное господство. Ароматы парфюма сводили девушку с ума, а разные цвета в одежде резали её глаза, словно эти глаза принадлежали грудному младенцу. Столько ярких красок она ещё никогда не могла узреть, а тем более столько богатых людей, которые переплелись друг с другом в этом единственном зале, чтобы поздравить госпожу самого господина и правителя города Таулондуф. Дефержуза не отходила от своей служанки даже на полметра, настолько она боялась остаться одна среди всех этих павлиньих одежд, что сердце её билось так часто, как только оно может биться. Внезапно из толпы к девушке подкрался Атердо и прикоснулся к ней своей холодной рукой. Дефержуза почувствовала в его прикосновении самый настоящий лёд, который существует лишь в зимний период того или иного места в природе. Она смогла отдернуть руку и прикоснулась к месту его хвата, словно к ожогу. Взгляд его был не менее холодным, как и само прикосновение ледяной руки.

– Не бойся, Дефержуза, это я! – сказал Атердо.

Он понимал, что не должен показывать перед всеми вид, что влюблён в обычную гувернантку-простушку, и поэтому слегка осторожничал в своих намеренных действиях. Но Дефержуза не ответила ему, верно проигнорировав его присутствие среди других таких же. Она скорее ждала, когда же всё закончится и она сможет вернуться в свою комнату, чтобы отдохнуть. Но ужин только-только начинался. Заиграла музыка, и все стали рассаживаться за огромным столом.

– Ну всё, Дефержуза, дальше без меня, – улыбнулась Колси.

– Без тебя? Но почему?

– Таковы правила, моя госпожа. Увидимся после ужина.

Страх ещё пуще прежнего овладел бедной девушкой, не привыкшей к высшему обществу во всех его соцветиях. К тому же, нежеланный сосед присоединился и сел рядом с ней. Атердо не смог упустить такого шанса и отужинать вместе с прекрасной девушкой.

– Прости, Дефержуза, но в процессе праздника я должен буду представить тебя обществу, ясно?

– Представить меня обществу? Я чувствую себя вещью, которую оглашают на аукционе, Атердо. Если бы ты позволил мне уйти...

– Это не приемлемо, – перебил он её, – и к тому же неприлично покидать застолье в день рождения моей матери. В присутствии всех ты познакомишься с этими людьми, хочешь ты этого или нет.

Зазвенели серебряные вилки и ложки, задрожало вино и шампанское в хрустальных бокалах, и поплыл над столом аромат жареной дичи, морской рыбы, а также аромат экзотических блюд: аммицу, азиатские пирожки бао и многое другое. Все восхищались разукрашенным едой столом и ждали именинницу ко столу. Вдруг настала тишина, музыканты перестали играть, и

прямо перед всеми открылись высокие узорчатые ворота, откуда выходили родители Атердо: господин Гарсбн, госпожа Тутси, и конечно же, по обе стороны шли две сестры Атердо – Линтьера и Лантнора. Все гости покорно встали и низко поклонились в качестве приветствия, кроме Дефержузуа, которая осталась сидеть и привлекла на себя строгое внимание со стороны многих людей и самих хозяев поместья.

– Немедленно встань, Дефержузуа, – дёрнул её за руку Атердо, причинив острую боль.

– А-у, – вскричала девушка, и все замерли в изумлении. Увидев, что это на неё все так устремили взгляды, она, испугавшись, подскочила, при этом уронив стул на пол. Колси немедленно поспешила на помощь к своей госпоже и помогла поднять стул.

– Как вас зовут? – спросила Тутси, подойдя вместе с мужем к столу.

– Моё имя – Дефержузуа, – ответила девушка спокойным тоном.

– Вы француженка?

– Нет, госпожа.

– Мама, я как раз-таки хотел представить вам нашу новую гувернантку, – вмешался Атердо. – Ну конечно же, после всех поздравлений.

– Хм. Нужно убедиться, восприимчива ли эта девчонка к дисциплине, прежде чем она вступит в свои права обучать наших детей. После праздничного ужина зайдите ко мне, Дефержузуа.

Когда наконец-то все расселись по местам и приступили к поздравлениям и трапезам, Дефержузуа не хотела ни есть, ни пить. Весь её ум был занят воспоминаниями о друзьях, которые сейчас были на воле, а она здесь, взаперти и в кругу высоких чинов и представителей власти.

– Если ты не будешь есть – силы окончательно покинут тебя, Дефержузуа, из-под ног будут вылетать не только стулья, но и земля.

– Спасибо за разжёванную подробность, Атердо. Но к счастью это мой удел, а не ваш. Приятного аппетита!

– Полагаю, тебе следует унять свои девичьи капризы, ведь ты сейчас находишься не в галантерее.

– И это печалит меня больше всего на свете. Завтра вы должны выпустить меня из поместья, чтобы я смогла пойти к родителям Лилеты и извиниться перед ними, как велит того приличия.

– Я смогу это устроить после того, как ты начнёшь есть. Так что приступайте, госпожа, иначе я передумаю.

Дефержузуа, конечно же, поверила его словам и взяла в руки вилку и нож. Следуя правилам этикета, она больше походила на одну из всех этих красноречивых особ, нежели на нанятую гувернантку в большой дом. После очередного тоста все ударили по бокалам и заиграла новая музыка юного арфиста.

Прекрасный вечер заканчивался лёгкими танцами в парах, что, конечно же, не любила, а точнее никогда не танцевала Дефержузуа. Приглашение Атердо она с уверенностью отклонила, дабы не выставить себя не умеющей танцевать в паре. Вместо этого она попросила отпустить её в свою комнату для отдыха. Она подозвала к себе Колси, и та незамедлительно проводила её обратно к себе.

– Я чувствую себя среди них инопланетным существом, Колси. Их смех и взгляды не соскальзывали с меня до самого окончания торжества. Что со мной не так, скажи мне?

– Я больше чем полагаю, что они восхищаются тобой, – улыбнулась Колси. – Презрение вселяется во взгляды всех людей, кто чувствует себя на ступень ниже перед новеньким человеком. Ты попросту поразила всех своей красотой, поэтому они не сводили с тебя глаз. Дорогое платье не делает даму красивой, поскольку важнее всего – кто под этим платьем! Проще

говоря, чучело, наряженное в свадебное платье, так и остаётся чучелом, к сожалению. Именно так себя и чувствовали все дамы в том зале.

– Ты невероятно шутливая девушка, – засмеялась Дефержуза. – Однажды мы выберемся из этого милого ада и сбежим как можно подальше. Ты ведь хочешь выбраться отсюда?

– Больше всего на свете, но только я не знаю, что ждёт меня за теми стенами. Я никогда не выбиралась дальше Таулондуфа. Я никогда не была с парнем, и кажется, что вся моя жизнь так и пройдёт в отдалении от остального мира. Вкушу ли я любовь по-настоящему, Дефержуза?

– Ты найдешь свою дальнейшую судьбу, но для начала стоит распрощаться с этим едва приемлемым образом жизни.

Вдруг отворилась дверь, и в комнату буквально ворвался Атердо. Он застал двух юных девиц врасплох за разговором о мечтах скорее покинуть это жуткое для них общество.

– О чём это вы тут беседуете?

– Я думала, что попала в приличное общество, но судя по тому, как в комнату к девушкам врываются парни без стука, моё мнение о правилах приличия и вежливости со стороны мужчин в этом поместье сходится на нет! – ответила Дефержуза.

– Прошу прощения, я выставил себя неподобающим образом. Однако ты не должна так много времени проводить с прислугой.

– Неужели юный господин думает, что я останусь в этой комнате одна и не позволю себе общество Колси? Я всё больше и больше склоняюсь к тому, что вы меня заточили в своей необъятной тюрьме, нежели привезли сюда, чтобы я услужила всем вашим родственникам. Я не стану ограничивать себя в общении с Колси. Полагаю, это против правил, ведь так, Атердо?

– Через пять минут тебя ждёт моя мать! Колси, будь так добра, отведи её в гостиную, – перевёл тему Атердо.

– Да, господин.

Уставшая всего за несколько часов времяпровождения в поместье, Дефержуза казалось, будто она провела здесь вечность. Её согревали лишь мысли о завтрашнем дне, где она сможет повидаться с Длентой и, возможно, с Бонумом. Но помыслы сразу же остужались видением о том, что ей навсегда придётся проститься с Лилетой.

Дефержуза шла к матери Атердо, словно на казнь, опустив голову ниц. Ей было не страшно услышать оскорбления в её адрес, поскольку, появившись здесь, она была оскорблена уже несколько раз. Приличное и высокое общество не подобало описаниям в романах, которые она читала и в которых приличие означало в первую очередь любовь к людям. В настоящем же мире всё совершенно иначе: высокомерие наперегонки с алчностью проявляются в людях статусных чинов; озлобленность и неуважение к простым людям стало привычным делом со стороны воспитанных серебряной и золотой монетой.

Вошедшая в гостиную девушка остановилась в дверях и замерла перед фигурами, что сидели в креслах и подносили к губам чашку с чаем. Вокруг было много детей, которые смотрели на Дефержузу так же строго, как и хозяйка сего поместья.

– Пройдите сюда и сядьте, – сказала Тутси и указала пальцем на кресло.

Дефержуза медленно подошла и присела напротив госпожи. Они смотрели друг другу в глаза, словно играли в игру «кто быстрее опустит взор на пол».

– Расскажите мне о своём происхождении, Дефержуза. Кто ваши родители, где вы обучались?

– Мои родители были самыми обыкновенными людьми! Они не имели высоких чинов, но это не помешало им стать полезными для общества. Моя мама очень любила цветы и выращивала их у себя в саду. Отец же был охотником, но только охотился он не на животных.

– Тогда на кого он охотился?

– На настоящих охотников, на тех, кто незаконно убивали бедных зверей, загоняя их в угол или к обрыву скал.

– Он убивал людей? – удивилась Тутси.

– Нет же! Он, наоборот, предостерегал их от такой участи. Многие охотники не раз попадали в засаду с медведями, а отец верно спасал их, отпугивая от трусливых стрелков стаю озлобленных медвежат.

– Благородность – не лучшее качество в человеке. Иногда нужно быть жёстким, когда речь идёт об улучшении своего жизненного статуса. Он мог бы неплохо зарабатывать, убивая животных.

– Жестокость порождает жестокость! Не нужно быть злым для того, чтобы стать на путь истинный. И потом, Господь помогает не гонящемуся за большими деньгами, а трудящемуся за грош! Ибо, погнавшись за красивой жизнью, при этом выставив себя напоказ, ты ограничиваешь себя в свободе некоторых действий. Лишь оказанное добро порождает уважение к тебе и...

– И дальнейшему использованию твоего добра другими людьми, – перебила девушку Тутси. – Поэтому ваш отец погиб в горах? Потому что он оказывал помощь охотникам?

Дефержуза хотела было ответить Тутси от лица самой что ни на есть эгоистичной девушки, но не посмела дать волю своим зажжённым синим пламенем эмоциям. Она стояла, прищипывая губы как можно крепче, и сжимала кулаки за спиной.

– Что ж, оставим этот неуместный разговор. Перейдём к важному. Ответьте, Дефержуза, вы в совершенстве владеете французским языком?

– Нет, госпожа, не в совершенстве!

– En français s'il vous plaît. *(По-французски, пожалуйста.)*

– Non, madame! *(Нет, госпожа.)*

– Puisque je vous confie mes enfants, je dois avoir confiance que vous pouvez apprendre le français à ces oiseaux. Sinon, vous irez travailler comme domestique. Tu veux ça? *(Поскольку я доверяю вам своих детей, значит, я должна быть уверена в том, что вы сможете обучать этих птичек французскому языку. Иначе пойдёте работать прислугой. Вы хотите этого?)*

– Je vais essayer d'apprendre à vos enfants à parler français, madame. *(Я постараюсь научить ваших детей разговаривать по-французски, госпожа.)*

– Merveilleux. A partir de demain, vous commencerez les cours. Bonne nuit, Deferjuzois! *(Прекрасно. С завтрашнего дня вы приступите к занятиям. Доброй, ночи, Дефержуза.)*

Дефержуза встала с кресла и направилась немедленно в свою комнату. Она очень устала и хотела спать. Часы показывали к полуночи, и где-то вдалеке у леса кричал филин, крик которого доносился в открытое окно её комнаты. Веки её всё время закрывались, но круговорот мыслей не давал полноценно погрузиться в сон. Она ворочалась в кровати, и странное место, в котором она оказалась так внезапно, сдавливало её грудь, и даже темнота в этом доме казалась ей другой: какой-то прозрачной и непривычно ледяной. Из головы у неё никак не могла выйти эта горделивая и мерзкая госпожа Тутси, со своим бровистым взором и хрипловатой речью. Выбросить её из памяти было не так-то просто, она словно впечаталась в мозг государственной печатью, утвердив своё присутствие в чужой голове.

Коварная женщина, но более коварным был её муж и отец Атердо – зловецкий Гарсон! Он показал свой суровый нрав ещё у обугленной галантереи и кузницы, проявив себя со всех сторон невежества и печали. Лишь прокрутив в мыслях все эпизоды, ушедшие в прошлое, Дефержуза смогла тихонько заснуть под тонкий шум ветра, проникавший в открытое окно.

Дефержуза проснулась очень рано на рассвете, от шума бьющего дождя по окнам и стенам дома. Она слышала, как в соседней комнате Колси что-то делала и тоже не спала этим едва начавшемся утром. Дефержуза поднялась с постели, взглянула в окно и увидела, как туман накрыл всю окрестность вблизи поместья, и этот дождь начался не вовремя, ведь она хотела сегодня пойти в город. Ещё она услышала, как в густом тумане и над крышей кричали, по всей видимости, ястребы, которых хозяин отпустил, чтобы те принесли ему добычу. Занервничав, девушка хлопнула ставнями и закрыла окно, чтобы не слышать их ужасные крики. Поправив

постель, она пошла в комнату к Колси. Тихонько постучав в дверь, Дефержуза осторожно вошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.